

An abstract painting on the left side of the page, featuring warm tones of orange, yellow, and blue, with visible brushstrokes and a textured surface. The right side of the page is plain white.

Вера Заведеева

*Быть
может...*

Вера Заведеева

БЫТЬ МОЖЕТ...

«Библос»

2017

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Заведеева В. Ю.

Быть может... / В. Ю. Заведеева — «Библос», 2017

ISBN 978-5-905641-40-4

Рассказы о тех, кто жил и живет рядом с нами. Не герои, не знаменитости, не святоши... Самые обычные люди родом из Советского Союза, коих пока еще немало. Тем они и интересны. Эти правдивые истории на фоне реальных событий прошлого века и века нынешнего – дань памяти поколению уходящему. Для доброжелательных читателей.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-905641-40-4

© Заведеева В. Ю., 2017
© Библос, 2017

Содержание

Вместо предисловия	5
О любви	6
Истории любви	6
История первая. Предатель	6
История вторая. Коварная соперница	8
История третья. Елизавета II	12
Бронзовый пупс в овальной рамке	19
Бублик	20
Болезнь	21
Жизнь продолжается	23
Не сотвори себе кумира	27
Миг счастья	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Вера Заведеева

Быть может...

Вместо предисловия

В октябре 1971 года на экраны вышел легендарный и памятный для меня фильм «Офицеры», в котором рефреном звучала песня с такими пронзительными словами:

От героев былых времен
Не осталось порой имен...

Что же говорить о людях простых, коим выпала обычная трудовая и не самая легкая жизнь, но именно на них-то, на их общем багаже, все и держится до сих пор. Неужели в недалеком будущем от них не останется и следа, а пришедшие им на смену новые люди даже не заметят, что и до них кто-то точно так же ходил по этой Земле, с трепетом встречал весну и наслаждался умиротворением «бабьего лета», любил и страдал, мечтал о счастье и мучился сомнениями, добирался до своего «пика» и скатывался вниз, оглушенный злобной завистью, несправедливостью или жестокостью, растил детей, лелея в них свои несбывшиеся надежды, и терял самых дорогих на свете?

Как быстро тают тени прошлого и забывается вскоре, через каких-то тридцать-пятьдесят лет, даже сам образ жизни тех времен, включая бытовые мелочи, которые потом становятся достоянием историков и коллекционеров. И не вспомнят новые люди, что все в этой жизни повторяется. Подобно круговороту воды в природе. Как больно и обидно порой слышать сегодня насмешливо-снисходительные скороспелые суждения о людях родом из «совка», переживших столько за свой век, и о недавних «примитивных» временах от тех, кто им и в подметки-то не годится.

Человек жив, пока его помнят таким, каким он был на самом деле. Вот и герои моих рассказов останутся жить на страницах этой книги такими, какими я их помню и люблю.

Москва, август, 2016 г.

О любви

Истории любви

*С любимыми не расставайтесь!
С любимыми не расставайтесь!
Всей кровью прорастайте в них —
И каждый раз навек прощайтесь,
Когда уходите на миг!*

Александр Кочетков. «Баллада о прокуренном вагоне»

Как известно, Бог любит Троицу.
Вот и историй о любви тоже оказалось три.

История первая. Предатель

Случилась эта история в середине прошлого века на Южном Урале. За окном, закрытым на ночь ставнями, еще темно, только яркие лучики из-под печной дверцы слабо освещают пол кухни. Четырехлетняя Верка, зябко поеживаясь, сползла с печной лежанки, где спала вместе с вредной прабабкой, хрюкающей и лягающей во сне. Они с ней частенько дрались, и та, ябеда-корябеда, плаксиво жаловалась, шамкая беззубым ртом, своей невестке Дусе, Веркиной бабушке, или Маме-старой, как ее звала внучка. Мама-стара, не выясняя, кто прав, кто виноват, строго указывала малой на висевший у входной двери красный ремешок («Твой друг и учитель», – объяснял Верке его назначение дядя Миша). А старенькой свекрови, которой было уже за девяносто, с упреком бросала:

– Вы бы, мамаша, поменьше цеплялись к робенку, она все ж таки сиротка... при живых-то родителях.

– А че она дерется? – верещала старушонка.

Но Маме-старой не до них. На ней весь дом, хозяйство – огород, скотина, младшие дети-школьники, пятнадцатилетний сын Михаил и десятилетняя дочка Людмила, да еще эти две скандалистки навязались на ее голову. Старшие три девки Мамы-старой – Мария, Зинаида и Полина – давно уже разъехались кто куда: первую после института направили работать в область, в город Еманжелинск, вторая (Веркина мать) уехала учиться во Львов, там вскоре вышла замуж за возвращавшегося с войны юного лейтенанта и оказалась в Подмоскovie, а третью муж-военный увез из Челябинска аж на Чукотку. Старший сын Илья служил сверхсрочную в Белоруссии.

Кормильцем был один дед, Василий Иванович, который в ту пору работал на бойне, вечно промозглой, пропитанной кровью животных, вонючей бетонной постройке рядом с цинковым заводом с его ядовитыми оранжевыми дымами. Мама-стара, чтобы хоть как-то сводить концы с концами, ходила с Веркой по домам их поселка Першино продавать молоко. Кудрявая хорошенькая девчонка умиляла покупательниц, и торговля у них шла успешно. Вот только самим-то молока доставалось мало... К приходу деда Маме-старой нужно было успеть управиться со скотиной, еще раз натопить печь, нагреть воды и наварить супу. Дед долго мылся в тазу за занавеской на кухне, потом ел и ложился поспать. Верке приходилось тихо себя вести целый час, не носиться по дому как угорелой и не хлопать дверьми. Его она побаивалась, хотя

он ни разу ее даже не шлепнул, и звала папкой, как все в семье. Своего собственного папку Верка не знала и не печалилась из-за этого. Дед просыпался ровно через час, пил чай из блюдца с кусковым сахаром «вприкуску», приглашая за компанию Верку, и шел в сарай, где что-то стругал и пилил до самой ночи. Семья большая, и деду пришлось за свою жизнь построить не один дом.

Верка прошлепала босиком к маленькому стульчику с дыркой посередине. «Стульчик-дристунчик», как называл это приспособление дед, смастеривший его для Верки – своей первой внучки, стоял в углу кухни у лавки. Под лавкой что-то шебуршало. Мышь! Верка замерла от страха. Но любопытство пересилило. Под лавкой лежала Мурка, а рядом с ней копошились серые осклизлые комочки. Котят?! Вот Мурке попадет от Мама-старой! Она не велела кошке больше приносить котят с огорода, где, как знала Верка, они вырастают вроде картошки. Муркины дети и так уже расселились по всему Першино, а ее подростки сыновья часто навещали свою маму, после чего кошка опять притаскивала с огорода новеньких слепых детенышей. Этих Мама-стара точно утопит! Надо спасти хоть одного, пока та доит Беляну. Верка схватила ближайшего заморыша и метнулась обратно на печку. Когда Мама-стара позвала ее зав тракать, котят уже и след простыл, только Мурка металась из угла в угол, надеясь отыскать своих детей.

* * *

Верка долго прятала котенка на печке и поила его молоком из старой соски. Постепенно этот заморыш превратился в пушистый дымчато-черный клубочек с белой мордочкой и почувствовал себя баловнем судьбы. Верка преданно служила ему, охраняя от его же злобной царапучей мамыши, угрюмой овчарки Найды, сидевшей у ворот на цепи, и бесцеремонных кур, так и норовивших клюнуть любознательного котенка в глаз. А если бы он попал под ноги Беляне, равнодушной ко всему, кроме ведра с картофельным пойлом? Или к свиньям в стайку? Страшно подумать, что с ним могло тогда стать! Поэтому она все больше таскала его за пазухой.

Но беда, как известно, приходит тогда, когда меньше всего ее ждешь. Их соседке вдруг понадобилась кошка, чтобы приструнить не в меру расхрабренных мышей в подполе. И приглянулся ей дымчато-черный котенок с белой мордочкой, в котором она наметанным глазом разглядела будущего свирепого котяру. Соседка заметила его, когда Верка играла с ним в огороде. Почуввав надвигающуюся опасность, они с котенком спрятались на печке, укрывшись за занавеской и почти не дыша. Но не тут-то было.

– Верка, окаяшшая девка, ты куда котенка дела? – послышался грозный голос Мама-старой.

Рядом с ней лицемерно вздыхала соседка, тетка Тина, будто она здесь ни при чем.

– Не отдам! – уперлась внучка, прижимая к груди котенка.

Расправа была короткой. Соседка с котенком в руках убралась восвояси. Верка не плакала. Она будто застыла в своем первом непереносимом горе. До самого вечера просидела она на печке и не спустилась даже тогда, когда дед позвал ее в сарай собирать блестящие стружки, из которых получались красивые бусы.

Дня три сторожила Верка котенка у забора напротив соседского крыльца. Наконец из-за приоткрытой двери высунулась белая мордочка.

– Кыс-кыс-кыс, – обрадовалась Верка, пытаясь просунуть руку через штакетину.

Котенок наострил ушки и засеменил к забору.

– Узнал! Узнал свою маму! Я же тебя спасла! – всхлипывала счастливая Верка.

Они спрятались за сараем и целый день играли там, скрытые высокими огуречными грядками. Котенок, разрезвившись, норовил сбить лапками гороховые стручки и бегал по грядкам.

Верка – за ним. Их веселые догонялки заметила прабабка со своего наблюдательного поста на крыльце и тут же наябедничала Маме-старой:

– А твоя Верка носится как угорелая и топчет грядки! Вот, полюбуйся-ка, – хихикала зловердная бабка-Ежка.

– Верка! Опять котенка утащила? Ну, я тебе сейчас! – рассердилась Мама-стара.

Одной рукой она схватила Верку за шкурку, другой – котенка и потащила верещащую команду к дому. А там... Там поджидал красный ремешок у двери.

Котенка вновь вернули соседке. Но Верка не сдалась. Целыми днями она высматривала его на соседском крыльце, но того, видно, из дома не выпускали. Она уже и не надеялась его больше увидеть. А вдруг соседка отвезла его своей белобрысой и вечно сопливой внучке, и та теперь играет с ее, Веркиным, котенком?! Но однажды за забором мелькнул знакомый дымчатый хвостик. Сердце у Верки будто задохнулось.

– Кыс-кыс-кыс! Миленький, хорошенький мой, подойди к забору! – молила Верка.

Но котенок, как-то сразу потолстевший, лениво прошествовал вдоль забора, скользнув по Верке равнодушным взглядом, и направился к своей миске с молоком у крыльца. Такого предательства она от него не ожидала. За что? Почему он ее забыл так быстро? Ведь она его любила больше всех на свете! Не ведала еще тогда Верка, что эти неразрешимые вопросы веками терзают сердца женщин по всему миру...

В ту ночь Верке снились страшные сны: Баба-яга, очень похожая на ее прабабку, грозилась поднять котенка в своей ступе в темное небо и сбросить его оттуда на землю. Верка в ужасе проснулась и заплакала:

– Мама-стара-а-а, я бою-ю-сь, хочу к тебе-е-е...

Веркина кровать (прабабка теперь барствовала на печке одна) стояла впритык к большой никелированной кровати с блестящими шишечками, на которой спали дедушка и бабушка. Мама-стара протянула руку сквозь прутья кровати и погладила Верку по голове:

– Спи, милка, спи. Не бойся, я с тобой.

Верка вцепилась в руку Мамы-старой как в единственное свое спасение. Дед что-то раздраженно проворчал. Невдомек еще было маленькой Верке, что у дедушки с бабушкой по ночам могут оказаться и другие хлопоты. Им тогда лишь чуть-чуть перевалило за сорок пять...

* * *

С той поры котята перестали существовать для Верки, даже самые хорошенькие и забавные.

История вторая. Коварная соперница

Прошло тридцать лет. Как-то сотрудница Верки, которую уже называли Верой Юрьевой, принесла на работу двухмесячного котенка. Эта женщина, Елена Николаевна, заядлая лошадица, кошачница и собачница, из тех, кто относится к животным значительно лучше, чем к людям, так нахваливала своего питомца, что Вера поневоле прислушалась: и к туалету-то он приучен, и «в подоле не принесет», и ест-то он мало, и ничего в доме не портит – одна благодать от него исходит.

«Да, – задумалась Вера. – Сын подрастает, хорошо еще собаку не просит... Может, взять ему котенка?» Елена Николаевна, будто подслушав ее размышления, взялась за Веру, проявив железную хватку дельца:

– Возьмите, не пожалеете, еще сто раз «спасибо» скажете... – совала она котенка.

– Да я не знаю, право, – мямлила Вера, не умевшая давать отпор настырным людям.

Котенок, черный как смоль, без единого пятнышка, с ярко-зелеными глазищами, успешно пережил дорогу до дома с тремя пересадками. Вера впустила нового жильца в квартиру и налила ему в блюдечко молока. «Вот еще задача, – размышляла она. – Кормить ведь надо животину. А в доме еще два мужика, которым только успевай метать на стол... как уголь в паровозную топку».

Сын обрадовался появлению нового товарища и пообещал сделать из котенка настоящего вратаря, а играть они будут теннисным мячом, благо коридор у них в квартире длинный. Так потом и случилось (бедные соседи с нижнего этажа!). Муж, придя с работы и увидев новое приобретение (до этого были еще ежик из парка и тройка суточных цыплят по пять копеек штука, один из них стал настоящим петухом, а остальные пали смертью храбрых в младенчестве), устроил Вере форменный разнос:

– Животное – это тебе не игрушка! Его кормить нужно, и не жареной картошкой, как меня, и с обратным процессом могут быть проблемы, и вообще-то блохи у них бывают. И когти они чешут обо что попало. Будешь сама вечно в драных колготках ходить!

Он еще долго пугал ее разными страшилками. Муж в детстве и сам был кошатником, все знал про их повадки и даже умел с ними «разговаривать». Он быстро определил, что котенок – дама (как же это сотрудница опростоволосилась?), и проблем с котятами не избежать. На всякий случай решили котенка изолировать от любых его собратьев. Сын предложил назвать котенка Лесей (раз уж досталась нам девица) в честь своей первой любви в средней группе детского сада.

* * *

Итак, стали они жить вчетвером: папа, мама, сын и кошка Леся. Вскоре у кошки проявились симпатии и антипатии к своим сожителям: Леся с удовольствием «стояла на воротах» (сын в ту пору занимался в футбольной секции), ловила в прыжке мяч и лазила за ним под мебель. Светильник в коридоре пришлось убрать. Вера кормила Лесю антрекотами, отрывая от себя (надо худеть!), и убирала за ней их последствия. Леся благосклонно позволяла ей ухаживать за собой, но при этом демонстрировала Вере такое презрение, что той становилось временами не по себе. «Вот зараза неблагодарная!» – думала она. Но Леся, будто читая ее мысли, отвечала на это наглой ухмылкой, глядя на нее, как вздорная барыня на прислугу.

Мужа Веры Леся просто обожала, особенно когда он был в состоянии подпития. В его отсутствие она ласкала его домашние тапочки, обнимая их лапами и катаясь по полу. Она встречала его у двери, подбегая к ней еще тогда, когда ее кумир только загружался в лифт. Она терлась об его ноги и трепетно заглядывала ему в глаза, пребывая в полуобморочном состоянии сбывшегося счастья. Пока он раздевался, умывался и ел, она сидела в сторонке и не сводила с него влюбленных глаз. Потом они вдвоем растягивались на ковре и начинали мурчать дуэтом, доводя друг друга до полнейшего экстаза. После этого Леся заваливалась на спину, задрав лапы и приглашая партнера полюбоваться ее дамскими прелестями. «Ну и шлюха!» – удивлялась Вера.

Дальше – больше. Просыпаясь иногда ночью, Вера обнаруживала, что в супружеской постели их трое.

– Брысь! Пошла отсюда! – гнала ее Вера.

Но Леся, не теряя чувства собственного достоинства, медленно поднималась, нехотя прыгивала на пол со своей наглющей ухмылкой и садилась в сторонке, ожидая, когда эта дурахозяйка уgomонится на своей половине постели.

Однажды Вера, видно, чем-то обидела кошку, которая не терпела никаких гонений на своего кумира. Возможно, она подслушивала, как жена за что-то выговаривала мужу. Среди ночи Вера внезапно проснулась от какой-то неясной тревоги. Их супружеское ложе – расклад-

ной диван – было втиснуто между двумя высокими секционными шкафами из полированной древесно-стружечной плиты (из модной в ту пору немецкой «стенки»). Приоткрыв глаза, она заметила два ярко-зеленых огонька, блеснувших под потолком. В тот же миг оттуда вниз метнулась тень. Вера едва успела прикрыть руками лицо (спасибо спортивной практике юности!). Руки будто огнем ожгло. Вера вскочила на постели и завопила:

– Брысь, проклятина!

– Ты что, очумела? – проснулся муж.

– Эта гадина... – захлебывалась Вера слезами от боли и обиды, – чуть меня не убила!

– Чуть не считается, – проворчал муж, поворачиваясь на другой бок.

– Ах ты... Ну и спи сам тут со своей тварью!

– Тварь-то ты в дом притащила, – напомнил муж.

Ответить было нечем. Вера перелезла через мужа, не щадя его раскупоненных чресл, и отправилась спать в комнату сына. Свернувшись клубочком у него в ногах и накрывшись халатом, она попыталась уснуть. Но страшные картины изувеченного лица, не успей она его закрыть, сменяли одна другую. Ее трясло, как в лихорадке. А руки? Как она пойдет на работу с такими изодранными руками? Куда их летом спрячешь? А больно-то как... Вера жалобно заскулила. Слезы принесли облегчение, и она задремала. Проснувшись рано утром, она застала в своей комнате эффектное зрелище: кошка разлеглась на Вериной подушке, сложив лапы на волосатую грудь предмета своего обожания, а тот, подлый, изогнулся так, будто охранял священный сон ангела. Оба блаженно улыбались во сне.

Вечером Леся вела себя тише воды ниже травы. Она свернулась клубочком у вешалки в прихожей в ожидании любимого, стараясь быть незаметной. Когда он пришел, они удалились в укромный уголок в третьей комнате, в которой планировалось когда-нибудь устроить спальню, если накопятся деньги на гарнитур. А пока там стояли раскладушка, на которой спал Верин муж в дни неумеренных возлияний и душевного раздрая, да старая табуретка. Комната находилась рядом с кухней, и Вера подслушивала их без особых усилий и угрызений совести.

– Ты, Леська, дура, – выговаривал кошке муж. – Конечно, стоило ее маленько поучить, чтобы перестала меня вечно обнюхивать: «Что, опять пил?!», но зачем же когти распускать? Как я с ней... такой расцарапанной..?

Леся, заглаживая свою вину, облизывала его со всех сторон, жарко дыша в ухо и преданно заглядывая в глаза.

Так они и уснули там оба, излив друг другу душу и забыв про ужин.

Жизнь в те годы была однотонной и у большинства одинаковой: женщин заботило «где достать пожрать и как похудеть», а мужчин – как дотянуть семью до полочки и не забыть себя, любимого. Муж говорил про Веру, что она не злопамятна: не помнит ни плохого, ни... хорошего. Действительно, ночная история потихоньку забылась, и все пошло своим чередом.

* * *

В августе Вера собралась в отпуск на море с сыном. Мужу на это же время дали путевку в санаторий. Аквариум с рыбками они отдадут на воспитание племяннице. А кошку куда? Пришлось просить свекровь приютить животину. Лучше бы Вера этого не делала: отношения в результате напряглись до звона натянутой струны. Дело в том, что Леся, протестуя против произвола с переселением и лишения ее законного ежевечернего антрекота, так нагадила на новеньком линолеуме в квартире свекрови, что с него слезла вся краска на самом видном месте.

Осень и зима пролетели незаметно. Вера свыклась со своей своенравной жилищкой и даже начала испытывать к ней зачатки родственных чувств (родню ведь не выбирают?). Март уже всюю звенел капелью, птичий гомон заглушал даже грохот дороги, а солнце припекало

совсем по-весеннему. Лесю тоже радовали перемены. Она повадилась забираться на форточку в комнате сына, откуда заморозенно следила за птицами на крыше соседнего балкона, которая буквально дрожала от слоновьего топота голубей, ворон и галок. Туда же слетались погреться на солнышке тучи воробьев. Птицы, конечно, не упустили возможности подразнить Лесю, которой никак было до них не дотянуться.

И самоуверенная кошка рискнула. Ее подвел обледеневший скользкий край крыши балкона – не спасли натренированные «вратарские» прыжки и острые когти, да еще птицы подтолкнули своего извечного врага – кошку, отправив ее в незапланированный полет с двенадцатого этажа. Деревья у дома, достигшие уже седьмого этажа, вполне могли принять ее в свои корявые объятия и уберечь от неминуемого, как и высокий снежный сугроб внизу. Ведь кошки такие ловкие и всегда приземляются на все четыре лапы! Но что-то пошло не так. Леся упала прямо на бетонную отмостку. Ей еще хватило сил отползти на снег, истекая кровью. Тут ее и заметил сын, гулявший во дворе с ребятами.

Вернувшись вскоре с работы Вера открыла ключом входную дверь и грохнула на пол в прихожей сумки с продуктами. Навстречу ей выбежал зареванный сын с воплем:

– Мамочка! Спаси ее скорее! Спаси! Она же умрет! – молил сын, свято веря во всемогущество своей мамы, которая всегда спасала его самого от всяких болей и напастей.

– Господи, что случилось?! – у Веры подкосились ноги: вдруг кто-то из близких?

– Леся разбилась, – объяснил подошедший муж, сорвалась с форточки. Я положил ее в коробку, там, в туалете... Вряд ли она выживет...

Бедняга была вся в крови и часто дышала. Вера отодвинула своих растерявшихся мужчин и принялась за дело. Откуда что взялось, будто она каждый день спасала израненных животных. Но Леся потеряла много крови. В ее тускнеющем взоре Вера впервые увидела признательность, будто Леся говорила: «Прости меня, так уж получилось... эти птицы-нахалки... очень хотелось их проучить...».

– Леська, держись! – всей силой своей души призывала ее Вера. – Мы, бабы, народ живучий! Ты же кошка, которая должна всегда падать на все четыре лапы!

Но, видно, не судьба. Муж упаковал трупик в коробку из-под обуви, и они с сыном отправились в парк «Братцево» хоронить кошку. Вера с ними не пошла – нужно отмыть забрызганный кровью туалет и убраться в квартиру. На душе было смуро.

* * *

В доме сделалось как-то пусто. Семья пребывала в унынии. Даже рыбки в аквариуме словно застыли – некому стало держать их в тонусе, гоняя по кругу. У мужа поминки по Лесе затянулись: «Никто меня так не понимал, как она, никто в жизни так не любил меня, как она», – причитал он сквозь пьяные слезы.

«А вдруг это какая-то неземная любовь, которая не разделяет своих избранников на людей и кошек? Так ли уж случайно Леська оказалась в их доме? – размышляла с грустью Вера. – Все мы, в конечном счете, "...Из праха вышли и в прах обратимся..." Может, та, которой суждено было родиться кошкой, и есть его единственная, именно Его Женщина? И только с ней он смог бы достичь небывалых высот в науке, не говоря уже о том, чтобы ради нее отказаться от возлияний? А ей, Вере, надо признать, это не удалось...»

Хватит, больше никаких животных в доме не будет, молчаливо решили все. Гуляя по парку, они часто навешали могилку Леси на высоком берегу Братовки – речки-переплюйки, вспоминая ее проказы. А ободранные обои и подпорченная мебель – все это такая ерунда!

История третья. Елизавета II

Прошли годы. Скоропостижно скончался СССР. Началось очередное в истории страны Смутное время. Вера ушла из ненавистного Минсельхоза, где прослужила шесть лет, обретая разносторонний полезный опыт и поездив в командировки по новым для нее местам. Ей, бывшей туристке, это было интереснее, чем сидеть в душном огромном кабинете вместе с десятком сотрудников, одновременно орущих по телефону в попытке перекричать шум Садового Кольца. В министерстве ей удалось добиться разрешения (даже в ЦК КПСС!) на создание издательств при крупных вузах их ведомства.

В одно из них она и ушла весной 1989-го работать главным редактором.

Четыре трудных, но счастливых года плавания в творческом «потоке» на пике профессиональной карьеры закончились, к неопишному ее страданию, поражением. Неожиданно большая прибыль издательства, деятельность которого долго и старательно налаживала Вера, оказалась соблазном для его директора. Не видя смысла в затяжной и небезопасной для ее жизни борьбе, она, по настоятельному совету своего бывшего министерского начальника, ушла в недавно созданный под эгидой Европейского Совета «Агроконсалт».

* * *

Как-то в конце мая, уже приступив к работе в «Агроконсалте», она возвращалась из Косино, где ее стараниями обустроивалась типография, в Москву. Томясь в ожидании автобуса, Вера рассеянно смотрела по сторонам. Удивительно, как такой деревенский уголок с его загадочными озерами уцелел под самым боком грохочущей МКАД? Рядом кто-то тяжело вздыхал. Около нее стоял мальчик лет девяти с низко опущенной головой, держа в руке корзинку с чем-то, прикрытым тряпкой. Вера всегда сочувствовала детям и старикам: первым нелегко входить в эту жизнь, а вторым – выходить из нее.

– У тебя что-то случилось? – спросила она мальчика. – Не переживай, все в конце концов образуется, – как могла, утешала она его.

– Ничего не образуется, – всхлипнул он горестно. – Она... она сказала, – чуть не рыдал он, – чтобы я убирался, куда хочу...

Это Вере оказалось знакомо: ее детство никак нельзя было назвать счастливым. «Господи, чем же помочь?!» – судорожно соображала она.

– Куда же ты сейчас собрался? – спросила Вера.

– В Выхино, на рынок, – ответил он, кивая на корзинку.

– Что же ты там будешь делать? – испугалась она, представляя, как мальчишку волокут в милицию за какое-нибудь паршивое яблоко, утащенное им с прилавка.

Подошел автобус. «Дать ему денег, что ли?» – соображала Вера. Народу набилось полно. Они стояли рядышком у окна.

Вера разглядывала котят, высунувшихся из-под тряпки. Один был очень красивый – пушистый, разноцветный, к тому же довольно энергичный. В душе Веры что-то шевельнулось: «Вот бы такого...». Второй – бледная немочь, какой-то мокро-облезлый крысеныш, вжимался в корзинку, не смея поднять глаз.

Сидевшие напротив тетки вдруг стали с любопытством глазеть на Веру. «Чего им надо? Может, на мне что-то не так?» – забеспокоилась она. Но одета она вроде бы прилично: летнее симпатичное платье из валютной «Березки», поверх которого накинут на плечи белый кружевной вязки кардиган. Может, косметика потекла? Тетки уже откровенно хихикали.

– Все, милая, теперь не отвертись, – смеясь, сказала одна, показывая куда-то за Веру. – Раз она сама тебя выбрала, значит, придется, хочешь, не хочешь, ее принять.

Вера проследила за теткинским взглядом: по рукаву ее кардигана медленно ползла бледная немочь. «Как я когда-то на Эльбрус...», – почему-то вспомнилось Вере. Мальчик, увидев это, испугался, что Вера рассердится, но сделать ничего не мог – в автобусе не пошевелиться.

Вот и Выхино, нужно выходить. Котенок вцепился в Верин кардиган мертвой хваткой. «Что же делать? – запаниковала она. – Тетки сказали – судьба...» Вера дала мальчику немного денег, хотя тот и отказывался, попрощалась с ним и побрела на станцию метро с котенком на плече. Как она поедет с ним в министерство отвозить срочные бумаги? Надо хоть газету купить, чтобы засунуть котенка в полиэтиленовый пакет (единственный!) и при этом не помять документы. Газетная продавщица на платформе брезгливо взглянула на Веру с котенком и вынесла свой вердикт:

– На кой хрен тебе такой заморыш? Смотри-ка, кофту-то, да такую богатую, он тебе уже обоссал, а пока доедешь, и обосрет все!

Вот стерва. Как в воду смотрела. Даже многостраничная «Литературка» не помогла. В министерстве, пряча от вахтера свой пакет, Вера первым делом понеслась в туалет. Кое-как обтерев обгадившегося котенка, она обернула его в какую-то тряпку, забытую уборщицей, и тщательно вымыла руки. «Хорошо, что хоть бумаги не пострадали», – обрадовалась она. Оставив котенка в пакете на подоконнике в туалете, она побежала в секретариат. Навстречу ей шел бывший ее сотрудник из управления, где она раньше работала.

– Саша! Саша! погоди! Помоги, пожалуйста, – схватила она за рукав своего прежнего коллегу, с которым была на «ты» в их строго-чопорном учреждении. – Мне нужно передать проекты писем по поводу нашего комплекса... Закинь, пожалуйста, Тамаре в секретариат. Я ей потом позвоню и все объясню...

Он недовольно поморщился, но отказать постеснялся. Из недавнего смешливого выпускника, каким он был пять лет назад, Саша превратился в самодовольного чиновника (благодаря шишке-тестю) средней руки. Однако не все еще в нем заостенело. Кто его учил всему, когда он пришел к ним в управление? Вера, конечно. И он этого, видно, не забыл.

– Ладно, ладно, не волнуйся. Сам все передам, кому надо, и замолвлю словечко. Тебя здесь часто вспоминают, особенно твои подопечные из вузов. Ну, как твоя новая затея с издательско-полиграфическим комплексом? Скоро миллионершей станешь? Не забудь тогда нас, грешных. Управление-то наше грозятся разогнать, да и само министерство штормит, – вздохнул он. – Куда бежать? Ты молодец, вовремя отсюда удрала.

Вера нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, будто не чаяла добежать до туалета. Они попрощались, и она заспешила за пакетом с котенком. В туалете был легкий переполох: пакет катался по подоконнику и издавал странные звуки. К тому же от него исходил пренеприятный запах. Расфуфыренные министерские дамы боялись к нему притронуться, выдвигая разные версии – одну другой страшнее (по Москве уже всюю ползли слухи про всякие взрывные устройства). Вера схватила пакет, обдав на прощанье женщин мерзкой вонью, и выскочила в коридор. «Так, на лифте нельзя, – соображала она. – Народ не вынесет». Она ринулась к лестнице и спустилась на следующий этаж, моля судьбу, чтобы в том туалете никого не было. Ведь ей до дома добираться на метро, да еще на автобусе. Кто ее пустит с такой ношей? Нужно срочно хоть как-то «поменять пеленки».

В туалете никого не оказалось. Вера молниеносно обтерла котенка и направилась к выходу. «Только бы не орал, паршивец», – думала она, выходя на грохочущее Садовое Кольцо.

Котенок молчал и не шевелился, обессилев от переживаний. «А вдруг подоход? Я с ним уже часа три мотаюсь по жаре, – испугалась Вера, но не рискнула заглянуть в пакет. – Ладно, будь, что будет. Как-нибудь доедем».

* * *

Как ни странно, в дороге обошлось без сюрпризов. Дома никого еще не было. Первым делом Вера, быстренько переодевшись, потащила котенка в ванную и хорошенько его вымыла с мылом. Тот сопротивлялся из последних силенок. После экзекуции Вера обсушила его полотенцем и покосилась на фен, но решила, что это будет уж слишком. Котенок, мокрый, жалкий крысеныш, дрожал и икал. Вера завернула его в старенькое мягкое полотенце и сунула себе за пазуху. Малыш сразу успокоился и, расположившись удобнее на просторной Вериной груди, уснул сладким сном. Не смея нарушить его покой, Вера прикорнула с ним на диване и тоже задремала.

Когда она открыла глаза, перед ней стоял муж и с укором смотрел на свою «мать-героиню».

– Ну что? Опять потянуло на подвиги? – устало спросил он.

– Он сам меня выбрал... Не могла же я бросить его на улице, – оправдывалась Вера.

Котенку устроили уютную лежанку на кухне и оборудовали горшок в туалете. Из еды он предпочитал молоко и вареные яйца. И, конечно же, это опять оказалась девица. Сын предложил назвать ее Елизаветой II в честь королевы Великобритании, замечательной благотворительницы, давшей Вериному сыну, обычному московскому парню, стипендию на обучение в Шотландском университете (Россия в 90-е была «в моде» за рубежом). Конечно, огромной заслуги самого сына, сумевшего этого добиться и сдать прилично соответствующий экзамен вопреки отчаянному сопротивлению «членов приемной комиссии» с российской стороны – высших комсомольских деятелей, у которых на это были свои виды, никто не отрицает. Да и британцы помогли, предпочтя выбрать толкового парня «из народа», а не блатного отпрыска «элиты».

Белобрысая Лиза (как стали называть ее домашние) обычно сидела у Веры на плече и спускалась вниз только к обеду. Когда все в доме укладывались спать, она незаметно пробиралась к Вере под одеяло, а затем оборачивала собой ее шею. Той было жарко в таком меховом «воротнике», она отпихивала Лизу во сне, но кошка снова устраивалась спать у нее на шее. Откуда было тогда Вере знать, что этот заморыш «лечил» ей уже надвигающийся шейный остеохондроз, который так жестоко обойдется с ней спустя несколько лет. Муж не раз выдворял непрошеную гостью из спальни, но Лиза так горько плакала под дверью, что у Веры сдавали нервы, и она продолжала терпеть такое «соседство».

Из всей семьи Лиза выделяла только Веру, жестоко ревнуя к ней окружающих. Когда Вера уходила на работу, разыгрывались душераздирающие сцены расставания: кошка цеплялась за Веру, не давая ей закрыть дверь, и орала, будто ее резали. Сын, поучившись после окончания института на разных новомодных программах в Европе, работал в японском «Панасонике» и домой приходил поздно. Но даже в те редкие минуты, когда они с Верой живо обсуждали свои дела, Лиза не находила себе места. К сыну она ее ревновала больше, чем к другим. Вечерами Вера с мужем обычно выходили прогуляться в парк «Братцево». Теперь пришлось брать с собой и Лизу. Она путешествовала на плече у Веры, гордо поглядывая на удивленных прохожих.

Спустя годы Вера как-то признается себе: «Да, так, как Лизка и сын, пока не повзрослел, меня больше никто не любил...».

* * *

Однажды к Вере пришел Саша, друг сына, с которым она сотрудничала. Вера к той поре уже работала «сама на себя» – брала заказы на издание книг от редактирования рукописи

до выпуска тиража. Ее «Агроконсалт» завершил свою программу. Выделенные Европейским Советом деньги – «гуманитарная помощь России» – по большей части в Европе и остались, а то, что перепало «Агроконсалту», успешно «освоили» те, кто оказался «у корыта». Типография с добытым в Германии оборудованием оказалась в руках ее директора. Вера, опять оставшись ни с чем, пустилась в самостоятельное плавание.

Она все делала сама, благо опыта было предостаточно: искала заказы, составляла калькуляции, вела всю свою бухгалтерию, таскалась с крупными суммами денег в старой сумке по Москве, рискуя быть ограбленной, если не хуже, готовила рукописи, делала эскизы для обложек, закупала бумагу и буквально не вылезала из типографии, пока там печатали ее тираж. Но вот верстать на компьютере так и не научилась. В этом-то ей и помогал Саша. Он учился в дневной аспирантуре и до защиты кандидатской вынужден был подрабатывать, где придется. Версткой он занялся с подачи Веры, которая на практике обучала его техническому редактированию. Вскоре у них стало что-то получаться.

Саша вошел в квартиру, снял обувь и направился в комнату, где стояли компьютер и принтер. Увидев возлежавшую на принтере Лизу, которая использовала его как оттоманку для дневного сна, он улыбнулся ей и попросил освободить рабочее место. Они с Верой устроились у компьютера и приступили к делу, не обращая на Лизу внимания. Через какое-то время из гостиной донеслось какое-то утробное мяуканье. Вера решила взглянуть, что там. Лиза стояла у двери и отчаянно мяукала. Глаза ее были полны слез. А на диване, на бархатистом покрывале...

– Лиза! Ты что, с ума сошла?! Теперь придется выбрасывать покрывало вместе с диваном?!

Такое в их доме случилось впервые. Прибежал Саша и помог Вере убрать этот кошмар. Хорошо, что хоть диван не испачкан. Вера застелила его стареньким пикейным покрывалом и вернулась к компьютеру. Минут через десять-пятнадцать все повторилось вновь.

Вера не знала, что и думать. Ну почему это случилось опять на том же месте? Тайну приоткрыл Саша:

– Вера Юрьевна, не ругайте кошку, она просто приревновала вас ко мне и так выразила свой протест. Она очень страдает, бедняжка. Я, пожалуй, пойду.

– Как же мы теперь доделаем работу? – расстроилась Вера.

– Ничего, я дома все поправлю и сам где-нибудь распечатаю, – обнадежил парень.

Вера убрала «новый сюрприз», накормила Лизку и, посадив ее на колени, стала ей внушать:

– Лиза, нельзя быть такой капризной. Ты же мечтаешь о «Вискасе»? А как я тебе его куплю, если не сдам работу в срок и не получу денег? Ты знаешь, что в моем деле самое трудное? Получить деньги у заказчика, причем желательно все.

Лизка уткнулась Вере в живот и тихо плакала, шевеля ушками.

– Лизонька, я тебя тоже очень люблю, – утешала Вера кошку и себя заодно.

Ей иногда становилось не по себе: за что Лизка любит ее до иступления? Она смотрит на нее, как на божество, ловит каждый ее взгляд, каждое движение, облизывает с ног до головы и... продолжает спать у нее на шее, что создает Веринуому мужу дополнительные препятствия на пути к законному телу.

* * *

Из замороженного крысеныша Лиза вскоре превратилась в белоснежную красавицу с черным носиком и черным пятнышком на мордочке. И, конечно же, она чувствовала себя в своем доме и впрямь Елизаветой II, элегантной и гордой. Она уже не боялась выходить на кухонный балкон и даже ходить по перилам, а свой «горшок» перенесла под стоявший там старый

стол, под которым скопилась земля из цветочных ящиков. Увидев, как Лиза изящно гарцует по перилам, Вера аккуратно сняла ее оттуда:

– Лизка, ты что, дура? – тыкала Вера ее носом за перила. – Видишь там – бух! От тебя только мокрое место останется!

Лиза цеплялась когтями за Верин халат и «бух!» не хотела.

В разговоре с водителем, возившим ее тиражи, Вера упомянула о Лизкиных походах на балкон.

– Все, теперь точно сорвется с балкона. Вы ее не удержите, – заметил он.

Однажды Вера услышала мяуканье за окном гостиной, где тоже был балкон. Как кошка очутилась там? Не могли же ее случайно закрыть, если двери и форточку в этот день (да и в предыдущий тоже) не открывали? Неужели она пробралась туда с кухонного балкона, миновав еще два подоконника (в их квартире все окна выходили на одну сторону)? Вера поежилась от этой мысли и решила не пускать ее больше на балкон. К форточкам прикололи марлю, помня о Лесиных «подвигах».

* * *

Как-то сын пригласил в гости своего японского начальника, который усиленно этого добивался: хотелось посмотреть, как живет его подчиненный и заодно проверить, не ворует ли тот бытовую технику их фирмы «Панасоник», продвигая ее на СНГовском рынке (сын работал там мерчендайзером). Такое у них в России уже случалось, и фирма несла огромные убытки из-за наших хитроумных воришек.

Ямамото увидел обычную московскую трехкомнатную квартиру на последнем этаже блочной башни в «спально-промышленном» районе Москвы: гостиная с недорогой немецкой мебелью и непременно ковром над диваном, маленькая комната сына с книжными полками, «заслуженным» огромным письменным столом (на нем в муках родились два вузовских диплома – мамы и сына и одна кандидатская – папы). Там стоял и не менее почетный диван – его нынешний хозяин на нем же и был зачат четверть века назад, правда, в другой квартире. В спальне мебель была новее – куплена всего лет десять назад после полугодового стояния в очереди, когда приходилось каждую неделю отмечаться в списках. В те времена записывались на все – на мебель, на собрания сочинений, на ковры, на обои и на прочие признаки семейного достатка. Кухня довольствовалась старым польским гарнитуром (очередь – два года!) – одним из первых приобретений хозяев в их совместной жизни.

Ямамото явно был разочарован: башкирский холодильник «Юрюзань» конца 60-х (работает до сих пор), маленький музыкальный центр, купленный сыну на восемнадцатилетие. Ко времени его приобретения страховых взносов, которые Вера выплачивала полтора десятка лет, хватило только на это «чудо техники», которое теперь пылится на даче. Стиральной машины, микроволновки, современной аудиотехники или еще каких-то нужных, по мнению японца, вещей не было и в помине. Указав на гордость семьи – почтенную «Радугу» за 560 рублей (тех еще, советских), Ямамото спросил:

– А это у вас что?

– Аквариум особой конструкции, – отшутился сын.

Японец недоверчиво покачал головой, но больше уже не рыскал глазами по квартире в поисках компромата. Он с удовольствием сосредоточился на угощении. «Эти чертовы русские умудряются так принимать гостей, что можно лопнуть, и это притом, что в магазинах у них – шаром покати...», – говорили его глаза. Разомлевший от еды и питья Ямамото заулыбался и почувствовал себя свободнее настолько, что даже попытался подпевать смешному музыкальному центру, суча ножками под столом в такт мелодии.

Внезапно оттуда донеслось отчаянное мяуканье. Японец обмер от страха: Лизу-то он не заметил при инспектировании квартиры и теперь не мог понять, что произошло. Бедная кошка, пострадавшая от приплясываний японца, выбралась из-под стола и метнула на Ямамото мстительный взгляд. Все посмеялись, и праздник продолжался. Японец оказался парнем с юмором.

Однако домой гостю пришлось возвращаться в новых французских туфлях сына, добытых Верой с превеликим трудом, которые были на четыре размера больше его собственных. А чудо японской обувной промышленности пришлось выкинуть на помойку – Лиза обид не прощала. Несмотря на такой конфуз, сыну вскоре предложили более высокую должность с обучением в Японии, но он, к удивлению многих, отказался, предпочтя студенческую жизнь в Шотландском университете.

* * *

В конце августа 1995-го предстоял отъезд сына на учебу в Великобританию. Почти на полтора года. У Веры было тяжело на душе. Друзья и знакомые удивлялись: «Радоваться должна – сын едет за границу учиться! Здесь же сплошной бардак, да и армия еще висит, как Дамоклов меч». Но Веру мучили сомнения: «Так-то оно так, но сейчас у сына хорошая денежная, по ее понятиям, работа, к тому же пора и о личной жизни подумать, друзья-то все переженились, пока он повсюду ездил. Недавно вот с девушкой хорошей познакомился на свадьбе друга...».

А самой Вере без него и вовсе жизни нет: муж – без работы, того и гляди совсем сопьется; деньги, накопленные сыну на «приданое», пропали; у самой стабильного заработка тоже нет, да и занятие «серым бизнесом» далеко не безопасное; в стране все катится незнамо куда. Давит ощущение бессмысленности существования. Одна надежда – сын выучится, вернется (только бы вернулся!), снимет с нее невероятную ответственность за их семью и поддержит ее в надвигающейся старости... Да, она во что бы то ни стало должна удержаться на плаву, чтобы не подохнуть и не сорвать его с учебы. Ему на чужбине тоже ведь будет несладко... Только бы он там не остался насовсем – заведет семью, и внуки, совсем чужие, будут лопотать по-английски...

С такими невеселыми мыслями она готовила, жарила, парила, пекла – сын пригласил друзей на прощальную вечеринку. Они с мужем бегали по квартире, накрывали столы, «наращивали» сиденья, гремели посудой, раскладывали раздобытую снедь. Вскоре начали собираться гости. Молодежь веселилась в гостиной и в комнате сына, а родители с удвоенной скоростью носились туда-сюда с тарелками.

Лиза в этом урагане не участвовала, благоразумно стараясь не покидать кухни. Но дверь на балкон приходилось без конца открывать и закрывать, занося очередные блюда. В промежутках между мытьем посуды Вера еще принималась за мелкие постирушки. Послезавтра сын улетал. Лиза все время вертелась под ногами. В суматохе никто не заметил, как она проскользнула на балкон вслед за мужем, выносившим кастрюлю с салатом. В какой-то момент он услышал скрип когтей о железные перила балкона, но когда обернулся, то ничего не увидел. Поискав ее на балконе, муж вернулся на кухню, просмотрел там все углы и заглянул в ванную:

– Ты Лизку не видела? – спросил он у Веры, склонившейся над тазом.

– Да тут где-то вертелась.

Но Лизы нигде не было. Вспомнив странный скрип, муж вернулся на балкон и посмотрел вниз. Он не сразу разглядел в сгущавшихся сумерках белое пятнышко на земле. Вера вопрошительно посмотрела на его растерянное лицо:

– Что?! – спросила она, уже наперед зная ответ.

– Да, я только что слышал скрежет... Я лишь на секунду открыл дверь и тут же закрыл ее... Может, это не она, там внизу, я плохо вижу... Может, она где-то в квартире прячется?

Но Вера поняла, что искать не стоит.

«Господи, ну за что? И именно сейчас, когда я чувствую себя такой несчастной, и сын уезжает! Почему она ушла от меня именно сейчас, когда я так нуждаюсь в ее любви? – она опустилась на стул и закрыла лицо руками. – Господи, ну за что?»

Этот горький возглас вырывается у миллионов людей в минуты отчаяния, но готового ответа еще никто не получил. Думайте сами. Притихшие, они сидели с мужем рядышком на кухне и молча горевали – каждый о своем, а в гостиной брэнчала гитара и горланила песни молодежь. Сыну сказали о гибели кошки на следующий день. Он, конечно, огорчился, но мыслями уже был не здесь. Лизу похоронили тоже в «Братцево», чуть дальше, чем Лесю.

* * *

Вера с мужем как-то враз осиротели – сын уехал, Лиза погибла. Жили они, как и вся страна в те годы, трудно, но со временем стало полегче. Достроили, наконец, дачу, а к началу нового века осилили капитальный ремонт в квартире и обновили ее содержимое. Кошек в доме больше не было: жалко стало портить вылизанную квартиру с новой мебелью, а скорее всего – их просто никто уже не захотел «выбирать».

И все же иногда мелькнет мысль: может, еще появятся кошки в их доме? Как знать...

Белоруссия, июль 2014 г.

Бронзовый пупс в овальной рамке

За окном электрички, везущей ее на дачу, мелькает удручающий пейзаж: вместо желанной загородной картины – развороченная подмосковная глина, горы песка и гравия, снующие повсюду дорожно-строительные машины. Уже совсем ничего не осталось от «зеленого пояса» Москвы. Кольцевая автомобильная дорога с внешней стороны словно слилась со сплошной грандиозной стройкой – возвышающиеся гипер- и супермаркеты, громадные строительные рынки, запруженные машинами подъезды к ним. Там, где еще недавно на ближайших подмосковных станциях прятались в зелени садов уютные дачки, среди остатков облезлых елок и сосен высятся многоэтажные башни и заводские корпуса иностранных фирм вперемежку с тесно стоящими дорогами особняками «под Испанию».

А вдоль железной дороги чего только не увидишь – бивуаки бомжей, изуродованные граффити опоры мостов и всевозможные заборы каких-то хозяйств, задворки промышленных зон, ряды кособоких гаражей, крытых ржавым железом, остовы автомобилей и прочая дрянь. На заборах и стенах построек красуются бесконечные призывы кого-то бить – жидов, хачей, азиатов, буржуев, бандитов, а заодно и правителей всех мастей. Повсюду красуются фашистские знаки, пятиконечные звезды и, конечно, узколобая безграмотная матерщина. От этого вида на душе делается тошно. Господи, ну почему мы живем в таком дерьме? Ведь железная дорога – это ворота в столицу огромной страны! Неужели нельзя хотя бы их привести в порядок?

Как же раньше она этого не замечала? А раньше она в дороге работала – правила рукописи, и ей некогда было зевать по сторонам. Хоровод тоскливых мыслей царапает сердце. Кап-кап-кап – закапало почему-то лишь из одного глаза, второй привычно держит оборону. Вообще-то она не плакса, и свою выдержку считает достоинством, хотя, как утверждает наука, это, скорее, недостаток. Оказывается, лучше выплескивать злобу наружу, чем укрощать ее в себе: не найдя выхода, она начинает пожирать своего хозяина изнутри.

И все же, что случилось? Нет любимой работы? Но это уже давно переживается. Задевает временами агрессивно-психопатное поведение мужа? Так за столько лет уже должен бы выработаться стойкий иммунитет, хотя иногда и накатывает волна протеста и отчаяния (за что?), переливаясь через край. Да она и сама не сахар. Уходят родные, друзья и знакомые – одни в свою скорлупу, а другие на тот свет? Уже каждый год обязательно кто-то умирает, оставляя вопрос, кто следующий? Так это жизнь, никуда не денешься, и твоя очередь подойдет... Дефицит общения для любящего жизнь человека? Да, пенсия есть пенсия, даже для людей вполне еще активных, поскольку окружающие (особенно руководители) видят в них отработанный материал.

Так что же? Внук. Последняя безрассудная любовь, долгожданный малыш, потеснивший в ее сердце единственного сына, с которым она связана духовной пуповиной. Обожаемый внук, которому осенью предстоит пойти в первый класс, вдруг после Нового года без видимой причины резко охладел к бабушке и дедушке. Раньше звонил им на дню не один раз, просился в гости каждую неделю и с удовольствием оставался с ними сколько угодно времени. Они были его лучшими друзьями, отдавая ему неизрасходованное сердечное тепло, и никогда не отказывались с ним играть, не отговаривались усталостью, посвящая ему все свободное время и балуя в меру своих возможностей.

Что же случилось? Переходный возраст? Мальчик стал капризным и плаксивым, не хотел с ними гулять и разговаривать по телефону, не то что сходить в театр или еще куда-нибудь. Конечно, она все понимала: ребенок вырос и почуял зов «стаи» – появились друзья, с которыми ему стало интереснее. Он ощутил себя своим среди ровесников, а раньше боялся показаться малышом в их глазах. Так ведь нередко и у взрослых бывает, когда резко меняются друже-

ские «приоритеты». Но свекровкин голос подзуживал: «Наверное, мать ревнует к нам. Самой же ведь хуже – никуда без него не вырвется. И сына жалко, ему бы отоспаться в выходные, пока ребенок у деда с бабушкой». Однако голос разума все же пересилил – вряд ли мальчика настраивают так, это нерационально: бабушка и дедушка в воспитательном процессе элементы небесполезные.

Она прикрыла глаза, полные слез, и погрузилась в воспоминания под мерный стук колес.

Бублик

Впервые она увидела малыша во сне в ночь на 5 декабря 2006 года, почти за семь месяцев до его появления на свет. Бронзовый пупс в белой овальной рамке, почти такой же, как на снимке УЗИ, сделанном через пару месяцев после этого цветного сновидения. Во сне изображение казалось более четким и ярким: и личико с вздернутым носиком, и пухлые ручкножки, и причинное место – все было продемонстрировано в лучшем виде. Чем-то он напомнил ей поджаристый мягкий бублик. Такие выпекали в 60-е в крохотной кофейне на углу улицы Чехова (ныне Большая Дмитровка) и Садового Кольца, где она перекусывала по дороге в вечерний институт. Так она и стала называть его про себя – Бублик. Позже призналась своим, что видела во сне малыша, но на вопрос, какого он пола, лишь хитро улыбнулась: «Не скажу».

Забирать Бублика из роддома отправились в полном составе: молодой папаша и они с мужем, ставшие, наконец, бабушкой и дедушкой. Наряженный в летний комбинезон младенец встретил новоявленных родственников весьма сурово. Никаких блуждающих молочно-голубых глазок – на окружающих в упор смотрели абсолютно черные глаза утомленного жизнью взрослого мужчины... в столь крохотном тельце. Под его несколько осуждающим взглядом бабушка и дедушка немного оторопели, перестав сюсюкать. Младенец вежливо терпел поцелуи папаша, а бабушка обмирала от страха, как бы тот своей железной щетиной не поранил дите. После короткой фотосессии все уселись в машину и отправились домой. В дом Бублика вносила мама.

В молодой семье началась новая жизнь. Через месяц они, уставшие и замотанные в душевной Москве, приехали на дачу. Мама, размоленная, с лихорадочным блеском в глазах, выйдя из машины, молча протянула ей Бублика. Казалось, что женщина вот-вот упадет. Конечно! Высокая температура и грудь как камень! Начались сумасшедшие, но и счастливые деньки. Она бегала с этажа на этаж, укачивала орущего на всю деревню Бублика, мчалась на кухню, готовила, стирала, убирала, забросив свой огородишко... и радовалась жизни. Она опять была в «потоке», чувствуя себя совсем молодой, от нее опять многое зависело, она сама быстро решала все проблемы, сглаживая «острые углы» и предотвращая мелкие конфликты (что подлаешь, невестка невзлюбила ее мужа, а скорее всего, ее саму). Она была всем так нужна! В конце августа вернулись в Москву. Бублик заметно подрос и окреп на свежем воздухе.

* * *

В ее расписании теперь появились трехчасовые прогулки с коляской в любую погоду, которые они совершали поочередно с мужем. Работу приходилось как-то увязывать с этим важным делом. Бублик рос на радость всем и не особенно страдал от болезней. Незаметно прошла зима. В мае мама решила ребенка окрестить в ближайшей церкви в старинном парке «Покровское-Стрешнево». Но, к сожалению, в тот выходной день от наплыва желающих крестить детей в маленькой церкви случилось столпотворение.

Малыши верещали на все голоса, батюшка, какой-то слишком продвинутый, разучивал хором с родственниками младенцев слова, которыми им следовало сопровождать обряд крещения, и еле сдерживался, чтобы не обматерить их за бестолковость, зрители щелкали камерами

(что запрещалось), кругом царила суета. Крестные родители, Юля и Саша, по очереди держали надрывающегося от крика Бублика. Наконец служители притащили ведро горячей воды и стали ее заливать в купель, разбавляя холодной. Дверь без конца открывалась и закрывалась. Ведь еще май на дворе! Простудят ребенка! Наконец Бублика окунули в купель (хорошо, что он был в очереди первым, еще заразу бы какую подцепил от других детишек!), и батюшка понес его вокруг алтаря, произнося молитву. Внезапно Бублик перестал орать и заулыбался, с любопытством разглядывая сопливую барышню в бантах за спиной батюшки, которая сидела на руках у своей мамы в ожидании обряда и строила ему глазки. Роман, не успев начаться, быстро закончился – Бублика передали родителям, но он продолжал озирается в поисках заветных бантов.

В начале июня Бублик с мамой прибыли на дачу. Дедушке и бабушке пришлось в срочном порядке все там подготовить, чтобы обеспечить безопасность человеку одиннадцати месяцев от роду. Ребенок уже лихо ползал, спать днем не желал и требовал неусыпного внимания. Дед соорудил ему качели, и это стало единственным местом, где на Бублика снисходило умиротворение, позволяя его нянькам немного расслабиться. В конце июня всей семьей отметили день рождения Бублика – он задул на торте свою первую свечку и в тот же день... пошел! Что тут началось! Вся наличная родня бегала за ним с грацией горилл, едва поспевая перехватывать его шаловливые ручки у дверцы горячей печки или водопроводной пластиковой трубы, которую ему очень нравилось выдергивать из переходника. А входная дверь и по сей день стоит без уплотнителя, который Бублик с завидным упорством отрывал всякий раз, как только дед его приклеивал. Даже в кровати его нельзя было теперь оставить ни на минуту: он быстро научился преодолевать этот «забор» и тихо подкрадываться сзади, заставая взрослых врасплох.

И опять она целыми днями бегала с этажа на этаж, укачивала, кормила, готовила, убирала, «сглаживала углы»... Все это время ребенок спал с ней рядом на первом этаже, и каждую ночь ей приходилось вскакивать, вынимать его из кроватки, приучая писать в горшок, а не в постель, или укрывать, или просто укачивать на руках. В середине августа мама Бублика уехала в Москву собираться в отпуск. Они планировали отдохнуть пару недель в Испании, поручив Бублика бабушке, с чем та и согласилась (как сыну откажешь?). Отъезд намечался на последние дни августа. Не очень удобное время для нее: муж выходит на работу, и все тяготы достанутся ей одной. Но сыну дали отпуск в это время... что поделаешь.

Болезнь

Но как всегда: где тонко, там и рвется. Три ударных месяца на даче не прошли для нее даром: 29 августа вечером у нее случилось сильнейшее головокружение. В этот день муж «взял» на себя Бублика, дав ей возможность поваляться днем перед телевизором. Казалось бы, она отдохнула, поговорила с сыном, позвонившим из Испании, сказала ему, что у них все в порядке. Но вечером вдруг почувствовала головокружение, такое, какое бывало в молодости после не в меру дружеских застолий, когда потолок буквально плясал над головой. А сейчас-то что? Может, душно стало от жарко натопленной печки? Она поднялась на второй этаж и прилегла на диван. Становилось все хуже. Внезапно ее охватил какой-то страх, прежде неведомый. Никогда раньше она даже не помышляла о вызове скорой помощи, тем более на даче. Она спустилась вниз и попросила мужа:

– Все. Беги к Елене Ивановне, со мной что-то не то...

– Ты что? Уже почти ночь на дворе, – удивился он, но, взглянув на нее, замолчал и, отдав ей ребенка, ушел.

Вскоре он вернулся с их дачной подругой, заместителем главного врача местной больницы. Елена Ивановна принесла с собой лекарства и, измерив давление, сделала неутешительный вывод:

– Все очень серьезно, давление 160х100 (никогда еще такого не было!) слишком для вас высокое, вертебро-базиллярная недостаточность на фоне обострения шейного остеохондроза, слабые сосуды, угроза инсульта... Срочно в больницу.

Она дала ей выпить какие-то таблетки, написала на бумажке, что и в какой последовательности принимать. Бублик разрывался от рева в руках деда, который в ужасе не знал, что делать. Ребенок брыкался на руках и у Елены Ивановны, пытавшейся его успокоить, визжал и просился к бабушке. У нее под боком он, бедняга, заплаканный, голодный и невымытый, вскоре уснул. Елена Ивановна, понимая, что в больницу ее отправлять нельзя (ребенка-то куда девать, деду надо на работу), велела звонить в любое время дня и ночи и докладывать обстановку. В крайнем случае, Бублика возьмет ее дочь, у которой такой же ребенок. Где один, там и два. Вскоре действовали лекарства, и она задремала.

На следующий день ей вроде стало легче, но оставались жуткая слабость и нежелание двигаться. Она не стала больше пить таблетки – и к вечеру ей опять сделалось худо. Мужу нужно ехать в Москву – заседание кафедры перед началом учебного года. Но причина не только в этом: ему срочно надо «снять стресс», иначе «поедет крыша». Они с Бубликом остались одни. Завтра обещала приехать сводная сестра на три дня помочь. Но этот день и ночь и еще полдня надо как-то пережить. Бублик перебрался спать в коляску – ей так было легче его укачивать и вывозить на веранду. Хорошо, что хоть еда была еще вчера приготовлена, оставалось только разогреть. Сознательный ребенок вел себя тихо, не скандалил и не брыкался. На руки она старалась его не брать – боялась уронить. Сильно болела голова и подташнивало. Держалась на ногах только страшным усилием воли.

После работы забежала Елена Ивановна, измерила давление, принесла еще лекарства и посоветовала срочно вызвать сына.

– Вы даже себе не представляете, как рискуете, – вздыхала она. – Я-то их вижу каждый день в больнице... – продолжала Елена Ивановна, старательно избегая слова «инсульт». – Иногда думаешь, уж лучше бы сразу... Ну, поплачут немного близкие, зато избегут неизвестно скольких лет мучений...

И все же врач в ней взял верх:

– Так. Не раскисать, все образуется. Как только у вас заберут ребенка, немедленно ко мне в больницу, будем выхаживать. Помирать нам с вами нельзя – еще внуков надо до их пенсии дотянуть, – пошутила подруга.

Вечером, можешь не можешь, надо хоть как-то искупать ребенка. Обычно они ставили ванночку на кухонный стол – так было удобнее, не нужно сильно наклоняться. Но сегодня она на это не решилась. Поставила ее на пол, налила согретой в чайнике воды, раздела ребенка и, стоя на коленях, стала его мыть. Самое главное – подняться потом на ноги и вытащить из ванночки довольно увесистого Бублика так, чтобы от напряжения не потерять сознание. Она специально кусала губы, думая, что пока чувствует боль, ничего не случится. Дорогу до постели они с Бубликом благополучно одолели. Переодев ребенка, она побрела на кухню все убрать и приготовить ему еду. Теперь – пережить бы ночь. Умереть никак нельзя – беспомощный ребенок останется один. Днем все же Елена Ивановна всполошится, не дозвонившись, и пришлет кого-нибудь проведать, да и сестра к вечеру обещала приехать. А ночью... Они спали вместе, бабушка и внук – так, в случае чего, ребенок не сразу напугается.

Приехала сестра, и она сразу ослабела. Не было сил подняться с постели, не хотелось есть. Но кормить и купать Бублика она старалась все же сама. Три дня пролетели. Легче ей не становилось. Давление не унималось, и лекарства уже не помогали. Приехал, наконец, муж и отпустил сестру. Сообщил, что дозвонился до сына (хотя она просила его этого не делать), но приехать так сразу они не могут – нет билетов. За день до возвращения сына с невесткой муж опять уехал в Москву – начались занятия. Часто звонила и заходила Елена Ивановна, поддерживая ее всеми силами. Наконец днем позвонили из Москвы прилетевшие поздно ночью

молодые, сообщив, что приедут завтра, так как надо все убрать, подготовить, закупить продукты. Она не поверила своим ушам и не знала, что ответить. Ведь сын уже знал, в каком она состоянии, одна с его ребенком на руках! С самого утра они сидели с Бубликом на диване в ожидании его родителей, ее била мелкая дрожь, сил не было даже встать и дойти до веранды. Она буквально считала часы, которые еще надо как-то продержаться до их приезда.

– Мама, мы все тут быстренько сделаем и завтра, не позднее обеда, приедем на машине, – увещевал ее сын.

– Мне очень плохо, да дело и не во мне – ребенок же...

– Ну, хочешь, приедет жена сегодня, а я завтра? – настаивал сын под аккомпанемент жужжащих в телефоне подсказок.

От боли и обиды у нее захолонуло сердце. Твердость характера и жизнестойкость, спасавшие ее во все времена, поддерживали и сейчас:

– Никого не нужно. Приезжай прямо сейчас. Ты понял меня?! – произнесла она каменным голосом.

Через два часа у ворот дачи просигналила машина. Она даже не могла выйти навстречу. Ноги были ватные, пот вперемешку со слезами застилал глаза. Так они и остались сидеть с Бубликом на диване, прижавшись друг к другу, как два воробья – старый потрепанный и малыш.

Вошли молодые – загорелые, отдохнувшие.

– Ой, у вас нет никакого инсульта, – прошептала невестка.

Она знала, о чем говорит, ее отец пострадал от этого недуга.

– Что ж, тебе виднее... – ответила она.

Вскоре они уехали. На следующий день сын вернулся за приготовленными ею за лето соками и компотами и отвез ее в больницу к Елене Ивановне, которая о чем-то с ним говорила у себя в кабинете. Прощаясь с сыном, она заплакала, страшась неизвестности. В больнице ее продержали две недели – капельницы, уколы, таблетки, обследования, неясный до конца диагноз. Подозрения опытной Елены Ивановны были не напрасными, как оказалось в дальнейшем.

Она восстанавливалась, как могла, больше рассчитывая на свои внутренние резервы бывшей спортсменки, чем на врачей, но менее чем через год все же вновь попала в ту же больницу после общения с местной властью при оформлении документов на дачный участок. Так началась ее борьба с болячками, которые посыпались с этого времени, как из рога изобилия. Самое ужасное последствие этого – у нее появился страх, что в любой момент все может опять повториться, она стала бояться ездить куда-то одна, даже по Москве и на дачу, не говоря уже о когда-то любимых путешествиях.

Жизнь продолжается

Бублик, увидев ее после возвращения из больницы, не проявил никаких признаков узнавания. «Как же так, – огорчилась она, – неужели забыл за какие-то полмесяца?» Постепенно все наладилось. Она опять начала гулять понемногу с Бубликом во дворе. Он часто бывал и у них дома. Но на следующее лето (когда она вновь загремела в больницу) его уже на дачу не привозили. Бублик рос, пытался говорить, но у него не очень получалось, и он этого стеснялся. Слова складывал по собственному усмотрению: деда он звал дебой, не без основания считая его неотъемлемой частью бабы. А когда немного подрос, то стал всех называть просто по именам. Его игрушки поселились в обеих квартирах и на даче.

Все шло своим чередом: у нее было много работы, муж учил студентов, сын, как обычно, мотался по командировкам, Бублик сидел с мамой дома. Почти каждые выходные он отправлялся к бабушке и дедушке со своим «выездным» чемоданом. Летом приезжал на дачу. В четыре года у него проснулся интерес к сельскому хозяйству, и он с удовольствием катал свою тележку, поливал из игрушечной лейки грядки и закалялся холодной водой Москвы-реки.

Начались и первые выходы «в свет» – в театры, зоопарк и так далее. Зимой он осваивал местные горки рядом с домом бабушки и дедушки, а весной и осенью ходил с ними в парк «Покровское-Стрешнево» недалеко от их дома, в парк «Братцево», где «рос» его папа в компании таких же голопопых друзей-соседей, и в парк «Северное Тушино», обустроенный в последние годы, где даже отважился посетить музейную подводную лодку. Правда, экскурсия завершилась очень быстро – рев Бублика, решившего, что лодка сейчас поплывет в открытое море, заглушал рассказ гида. Пришлось оттуда срочно ретироваться.

Бабушка пыталась учить с ним буквы, но дальше дело продвигалось с трудом. Бублик на все развивающие предложения отвечал одно:

– Игъять! Пойдем игъять!

Играть надо было часами, придумывая каждый раз новые сценарии. У деда не всегда хватало сил довести игру до конца и при этом не заснуть (особенно после обеда), но бабушка не сдавалась. У внука с бабушкой были доверительные отношения: только ее одну он приглашал с собой в туалет для душевных бесед во время его посещения. Обычно та присаживалась напротив на край ванны в их совмещенном санузле и отвечала внуку на самые неожиданные вопросы. Как-то за разговором они одновременно взглянули в зеркало над раковиной:

– Какая ты некъясивая, – со вздохом произнес внук.

Бабушке сделалось не по себе: «Да, конечно, устами младенца, как говорится... Но ведь я и раньше никогда себя красавицей не считала, а тем более теперь, – утешала она свое самолюбие. – И все же, нелегко это слышать от мужчины, пусть и четырехлетнего.

– Какая же ты некъясивая! Лохматая какая! – упорствовал внук. – Пъямо стъяшная какая!

Повисло тягостное молчание. Ответить ей было нечего.

– Вот я, – продолжал малыш, сидя на унитазе и любуясь собой в зеркале, – какой къясивый мальчик! Постъженный в паикмахтерской! А ты что же?

В пять лет Бублик, отстаивая свое право на дачную вольницу, отказывался выезжать с родителями на отдых за границу:

– Не хочу я в вашу Испанию! Хочу на дачу!! – скандалил он в аэропорту.

Приехав после пребывания на море на дачу, он первым делом побежал смотреть, что выросло в огороде, проверять, где какие непорядки на участке, и ворчал, что трава не скошена и дорожки рассыпались без него:

– Мы тут с дедой хозяины, а баба – хозяин на кухне, – объяснял он приезжавшим в гости родителям.

Больше месяца провел он с дедушкой и бабушкой, ходил с ними на речку, где у него уже появились знакомцы, учился плавать и преодолевать страх перед водой:

– Давай только «Баба сеяла горох», – соглашался он, с опаской входя в воду и тут же забираясь бабушке на руки.

– Что же ты такой трусишка? – поддразнивала его она, но внук твердо знал, что забираться глубже в воду не стоит.

На пятилетие бабушка с дедушкой подарили ему велосипед – двухколесный с приставными колесиками. Учить ребенка кататься пришлось бабушке:

– Садись! – командовала она, – крути педали! Да не заваливайся на бок, сиди прямо, крепко держи руль и смотри на дорогу! – кричала она на всю улицу так, что шарахались встречные машины.

Бублик хныкал и всячески пытался увильнуть от учения. Но бабушка была непреклонна:

– Ты что, мужик или мокрая курица? – позорила она Бублика на всю округу.

– Не курица я..., – жалобно блеял внук, – я упаду-у-у...

– Эка невидаль! Упадешь – поднимем!

Конечно, были и падения, и сбитые коленки, и укусы слепней, и знакомство с крапивой... А следующим летом шестилетний Бублик уже всю гонял на велосипеде на речку, в которую прыгал с разбегу и не хотел из нее вылезать, и весело смеялся, когда она ему рассказывала, что еще недавно он совсем не умел кататься. На даче он провел с ними почти два месяца. На речке они с дедом устраивали показательные выступления: кувырки с переворотом. Получалось очень лихо, и Бублик горделиво оглядывался вокруг, ловя восхищенные взгляды пляжной малолетней публики. Вечерами дед с внуком катались на велосипедах вдоль реки, а бабушка поджидала их у калитки. Бублик учился пилить доски, помогая деду делать ограждения для грядок, попадать молотком по гвоздям, а не по пальцам, поливать из лейки грядки, делать цементный раствор для латания щелей в бетонных дорожках, разводить костер и многое другое. Все его «подвиги» бабушка фиксировала на фотопленку – она собирала фотографии в отдельный альбом, который завела сразу после рождения ребенка.

А с осени у Бублика начались занятия сразу в двух «школах» – нужно готовиться к поступлению в первый класс. Записали его еще и в секцию тейквандо. Свободного времени у малыша оказалось совсем мало – даже в субботу занятия. К бабушке с дедушкой он стал приезжать все реже.

Зима выдалась малоснежной, и подаренные внуку лыжи так и простояли нераспакованными. После Нового года Бублик вместе с бабушкой и дедушкой впервые отправился в цирк на проспекте Вернадского. Раньше ему совсем туда не хотелось:

– Не поедem туда, – отвечал он уговаривавшей его бабушке. – Я там уже был.

Оказалось, что он имел в виду церковь, куда действительно ходил как-то с мамой. В цирке ему очень понравилось, особенно тигры, сотрясавшие ненадежную на вид сетку ограждения, и огромная новогодняя елка.

Бублик все реже звонил бабушке и дедушке и перестал у них оставаться на ночь, требуя возвращения домой.

* * *

– Осторожно! Двери закрываются, – прогундело где-то сзади. – Следующая станция – Тучково, – механический голос заставил ее стряхнуть с себя воспоминания и вернуться к дачной действительности.

Теперь не до мерехлюндий: быстренько подняться на мост, пересечь «контрольно-пропускной пункт» на станции, забежать на рынок и успеть поймать такси. Пешком до дачи с тяжелыми сумками уже не по силам. Приезд на дачу весной всегда приятен – еще много энтузиазма и всяких идей, но уже можно полюбоваться плодами своего труда, пережившими зиму, неспешно погулять по участку и отдохнуть с дороги за чашкой чая. А потом начинается садово-огородный зуд: надо сделать это и это, а еще бы кое-что пересадить. И хорошо бы распланировать так, как в журнале... если появятся вдруг случайные деньги... И посадить хвойники, и разбить новые цветники... А впереди – целое лето и столько задумок!

Несмотря на хлопоты с весенней посевной, она старалась чаще общаться с внуком, делая вид, что не замечает его охлаждения. Как только они с ним оказывались вдвоем, все становилось на свои места – никакого отчуждения как не бывало. В конце мая она решила сводить его в планетарий, после которого они направились в ее любимое кафе напротив зоопарка обсуждать космические впечатления. Кафе – это святое, только с этим условием он согласился поехать в неизвестное ему место. Они славно провели время и остались довольны друг другом.

Вскоре Бублик с мамой отбыли на отдых в Турцию, а у них с мужем началась сенокосная пора вперемежку с полевыми работами. Ко дню рождения Бублика курортники вернулись домой. Грандиозную дату – семилетие – отпраздновали всей семьей. Внук был рад встрече с

дедушкой и бабушкой, но от предложения завтра же отправиться на дачу уклонился, несмотря на уговоры всех заинтересованных сторон.

– Ну, что ж, – вздохнула огорченно бабушка, – будешь тут сидеть в душной Москве, а мы уедем одни на дачу.

На следующий день, в воскресенье, ближе к вечеру она позвонила ему с дачи:

– Бублик! Здесь так хорошо! Мы тебе сделали маленькую тепличку, как ты просил, и там уже появился крохотный перчик! Представляешь, как он расстроился, узнав, что ты не приехал?

Через полчаса запиликал мобильник:

– Мама, мы с Бубликом приедем ближайшей электричкой. Предать перчик он не смог и потребовал срочно отвезти его на дачу.

Она отправилась на станцию встречать внука. Идти надо было в гору, которая в последние годы стала какой-то неподдающейся (стыд и позор бывшей горной туристке!). Время еще есть, можно не спешить, чтобы не задыхаться. Как-то Бублик себя поведет? Не запросится завтра же обратно? Как себя с ним вести в этом случае? Как вернуть прежнюю теплоту и радость отношений? Вот и станция, она вошла в здание и присела на лавочку в ожидании поезда. Подошедшая вскоре электричка, выплыв на платформу распаренную в духоте вагонов толпу людей, возвращавшихся домой из столицы, умчалась дальше в Бородино. Среди них по лестнице спускались и ее гости. Бублик чувствовал себя неловко и прятал глаза. Но как только она, улыбаясь, протянула к нему руки, он бросился к ней на шею и засмеялся. От неловкости не осталось и следа. Это был прежний Бублик – веселый и ласковый. Его папе надо было завтра на работу, и они решили сразу же отправить его обратно.

У калитки их поджидал дед. И снова они, три татушки (название их тройственного союза, образованное от припевки «тритатушки-тритата»), – дед, баба и Бублик – зажили, как и прежде, на даче. Днем ходили на речку, читали по очереди с Бубликом вслух, вечером катались на велосипеде, поливали грядки, жгли костры и любовались ярким звездным небом, какого в Москве никогда не увидишь. И многое обсуждали – мальчик-то повзрослел, с ним стало еще интереснее.

Тяжелый камень будто спал с ее души. Ничего, даже если Бублик, взрослея, постепенно отдалится от дедушки и бабушки, они все равно останутся жить в его памяти светлыми воспоминаниями беззаботного детства. И уже ради одного этого им стоит жить!

* * *

Первого сентября Бублик пошел в школу – в гимназию. Все, детство кончилось. В строгом темно-синем костюме, белой рубашке и в галстук стоял он, держа в руках букет, среди таких же сразу повзрослевших малышей. Как когда-то стоял с букетом его папа, растерянно оглядываясь по сторонам. Слезы брызнули у нее в самый неподходящий момент: детей повели в класс, а ей никак не удавалось усмирить дрожавший в руках фотоаппарат, чтобы снять такой исторический момент.

– Удачи тебе, Бублик! – помахала она ему рукой и прошептала: «Пусть тебе повезет на этом тернистом пути».

Москва, сентябрь 2014 г.

Не сотвори себе кумира

Ура! В Москву! К маме! Еще вчера она, подравшись с девчонками на улице, горько плакала, спрятавшись за высокой огуречной грядкой, а сегодня бабушка сказала, что ее правда скоро отправят к матери с тетей Полиной. Выбежав за ворота, она крикнула своим обидчицам, игравшим за дорогой:

– А я завтра в Москву уезжаю! Вот вам! Там на Красной площади всякие красивые камушки и сверкающие цветные стеклышки есть! Вы таких и не видели никогда! Я из них новый секретик сделаю, еще лучше того, который вы, куры треклятые, вчера у меня сломали!

Причем здесь куры, она не знала. Но так ругался их сосед, когда пьяный гонял по двору жену и дочь: «Куда, курвы треклятые, спрятали?! Найду – убью!».

– Катись в свою Москву разгонять тоску! – смеялись девчонки, швыряя в нее мелкой щебенкой с дороги.

Им было не до нее. Они сгрудились около вечно сопливой «богатой» Любки в ожидании ее милостей: Любка вышла гулять с куском хлеба, намазанным невиданным лакомством – вареньем, и важно поглядывала по сторонам, раздумывая, кому бы дать откусить от него. Девчонки, затаив дыхание, глядели на нее преданными собачьими глазами.

Вечером бабушка посадила ее в корыто с горячей водой и стала мыть ей голову, пытаясь распутать хоть немного колтун из кудрявых непослушных волос. Она визжала и кусалась, пытаясь вырваться из корявых цепких рук.

– Дак у вас тут что, поросенка режут? – пошутил дед, входя на кухню. – Ты, девка, давай не брыкайся, сиди мирно. Кто тебя такую лохматую да немытую в Москву-то пустит? Распу-гаш там весь народ!

Вечером бабушка пекла «подорожники» – толстенькие печенья. Дорога неблизкая, почти трое суток на поезде. «Сколь времени робенок-то голодный будет, хоть погрызет-нито», – горевала она у печи, украдкой смахивая слезы. Утром всей семьей отправились на вокзал. Бабушка с дедушкой вздыхали, а она, радостная, еле сдерживалась, чтобы не прыгать от счастья. К маме! Она едет к маме! Ей совсем не жаль расставаться здесь со всеми!

Мама у нее такая красивая, что даже глазам больно. Как Василиса Прекрасная из сказки. Вся в каком-то сиянье, будто в искрящемся облаке. Она ее просто обожала и часто ей открывала во сне – самой доброй, самой ласковой и самой справедливой во всем свете – свои обидки. Мама, нарядная, как артистка, ее утешала, нежно улыбаясь ей издали. Она не могла бы сказать, какие у мамы глаза, волосы, какие у нее платья, как та смотрит или смеется. Она этого просто не помнила. И все же любила свою маму до иступленья.

Вот и поезд. Страшный пыхтящий паровоз с черной трубой и зелеными вагонами. Стали прощаться. Плачущая бабушка, прижимая ее к себе, просила не забывать их с дедом, но внучка была уже в мыслях далеко-далеко. Ее все тискали, целовали на прощанье, а она ничего вокруг не замечала, улыбаясь себе самой. Дед чмокнул ее в лоб и посадил в вагон. Они долго махали ей, пока поезд медленно проползал платформу, и потихоньку исчезали – сначала сами, а потом и их машущие руки. За окном замелькали поля, леса и бескрайние степи, над которыми возвышались огромные газовые факелы, словно огнедышащие пасти Змея Горыныча. «Смотрите, смотрите! Полосатый столб! Азия – Европа!» Паровоз надрывно загудел, окутывая границу двух континентов черным дымом.

Вот и Москва. Выбравшись на платформу, она ахнула:

– Это Кремль?!

– Нет, это Казанский вокзал. Кремль далеко, отсюда его не видно. Давай-ка бери вот маленькую сумку и держись за мой подол. Отстанешь – потеряешься. Здесь тебе не поселок

Першино, – проворчала тетя Полина, тащившая свой тяжелый чемодан и ее маленький. – Даже не встретила, паразитка, – прошипела она, косясь на племянницу.

Они перебрались на другую платформу и вошли в вагон поезда. «Наверное, поедем обратно в Челябинск, раз нас никто не встретил», – решила она, опасаясь спрашивать сердитую тетю. За окном мелькали огромные дома, мосты и дороги с несущимися по ним машинами. Все гудело и громыхало. Вагон был «сидячий» – одни деревянные лавки в два ряда. «Как же мы спать-то на них будем?» – забеспокоилась маленькая путешественница.

– Ты чего надулась как мышь на крупу? – спросила тетя Полина. – Небось, есть хочешь? Погоди, скоро уже приедем.

– А мы разве не обратно в Челябинск?

– Нет, – рассмеялась та. – Мы едем на дачном поезде в Ильинку, это недалеко от Москвы. Там живут твои дедушка и бабушка. И мама там... и папа... кажется.

«Тетя Полина решила, наверное, над ней подшутить: ведь бабушка и дедушка остались в Челябинске. Как они могут здесь оказаться – в какой-то неведомой Ильинке? И какой еще папа? Она деда Васю звала папкой, как все остальные, а больше у нее никаких пап и нет», – раздумывала девочка.

– А ты не помнишь их? Ну да, ты же совсем маленькая тогда была.

Они вышли на небольшой станции. Кругом высоченные сосны, а среди них красивые бревенчатые дома. Таких в Першине не было, разве что в «купеческих» Каслях, как говорила бабушка, у двоюродного брата Олежки.

– Мы скоро придем? – робко спросила она запыхавшуюся тетю.

– Да вот уж и пришли, только за угол завернем.

За невысоким забором из металлической сетки среди сосен стоял большой двухэтажный дом из темных бревен с балконом, белыми колоннами и башенкой, как на картинке в ее любимой затрепанной книжке сказок. Высокое крыльцо вело на веранду со стеклянной дверью. Калитка не заперта. Они нерешительно потоптались и вошли. Вдруг послышалось залиvistое тьяканье, и на дорожке показалась маленькая беленькая собачонка.

– Пушка, Пушка! – выглянула из-за дверей невысокая пожилая женщина. – Вы к кому? – спросила она вошедших.

– Мы к Зине, я ее сестра Полина, проездом тут. Она нас не встретила почему-то. Я ведь телеграмму-то посылала.

– А она уехала отдыхать, по-моему, или еще куда-то... Но, наверное, скоро будет. Да вы проходите. Какая у вас дочка хорошенькая, просто прелесть!

– Это не дочка моя, – поперхнулась от неожиданности тетя Полина. Это ваша внучка Верочка. Ей в этом году в школу, вот я ее и привезла...

Потом они пили чай за большим круглым столом на веранде. Ей дали «бутерброд» – тоненький кусочек мягкого белого батона, густо намазанного сливочным маслом. Такого она еще никогда не пробовала. Ломоть серого «кирпичика», политый подсолнечным маслом и посыпанный сахарным песком, – был верхом ее мечтаний, но бабушка не разрешала ей бегать по улице с кусками, а дома заставляла есть суп с картошкой. «Бутерброд» растаял во рту мгновенно, и она не могла оторвать глаз от хлебницы и разукрашенной фарфоровой чашечки – масленки.

– Какой у ребенка прекрасный аппетит! – пропела ее «новая» бабушка Таня, протягивая ей хлеб с маслом. – Обычно дети так плохо кушают, что их приходится уговаривать.

– Нашу долго уговаривать не надо, – усмехнулась тетя Полина. – Только дай...

Послышались тяжелые шаги, и на веранду поднялся огромный старик с длинным носом и торчащими вперед, как у кролика, зубами. За ним вошел щуплый молодой дяденька, держа за руку красивую в черных локонах женщину в ярком платье.

– Да у нас гости! – воскликнул старик.

– Вот, родственники из Челябины, Зинина сестра и... – засуетилась бабушка Таня. Все как-то смутились, но дед продолжал:

– Ну что ж. Давайте знакомиться. Я – Борис Юрьевич, отец вот этого молодого человека, а рядом с ним – Лиля, его приятельница. А тебя как зовут?

– Меня... Вера... – прошептала девочка. – Мне шесть лет, я в школу скоро пойду.

– Значит, я твой дедушка, а это – твой папа.

Какой еще папа? Этот противный дядька с круглыми холодными глазами? Не знает она никакого папы! Где же мама? Почему ее до сих пор нет? Только бы не разреветься... Чего они к ней пристали?

– А кого ты больше любишь? Маму Зину или папу Юру? – засюсюкала вдруг бабушка Таня.

«Как можно выбрать – кого больше, кого меньше? Ведь кому-то обидно будет. Как эта бабка не понимает? Да и этого “папу” она видит впервые, а, может, и маму не узнает...»

– Больше всех – маму-стару... – прошептала она.

– Кого-кого? – переспросила бабушка Таня.

– Это она бабушку Дусю так зовет, – пришла ей на помощь тетя Полина.

На следующий день тетя Полина уезжала. Прощаясь с племянницей, она вдруг заплакала:

– Ты уж потерпи тут маленько, не озоруй, мать-то скоро приедет.

Целыми днями она слонялась как неприкаянная по саду или качалась в гамаке, а злобная собачонка норовила цапнуть ее за ноги. Никто ее не замечал. И только Лилия, когда приезжала, читала ей книжки, играла с ней и водила на ближний пруд. Однажды Лилия повезла ее в Москву. Они ехали на поезде, потом на метро и еще шли пешком. Огромный, прямо как вокзал, магазин «Детский мир» поразил ее в самое сердце: она даже не представляла себе, сколько может быть всяких игрушек на свете. Лилия купила ей красивую куклу, красное платье в белый горошек и красные ленточки.

Лилия жила рядом с метро «Кропоткинская» в огромной квартире с длинным мрачным коридором, где хлопало множество дверей. По стенам – вешалки с одеждой, тазы, корыта, велосипеды, лыжи и всякая рухлядь. Там была диковинная сидячая ванна, в которой Лилия ее мыла, туалет с ржавым бачком под потолком и ручкой на длинной цепи, а в глубине – просторная кухня с топившейся дровами плитой, облезлой раковиной с гудевшим краном, кучей столов, табуреток и полок. Противно воняли керосинки и керогазы. На веревках раскачивалось разноцветное тряпье.

– Ты что, дочку себе нашла? А мужа-то все никак? – спрашивали Лилию любопытные соседки.

– Не ваше собачье дело! – отвечала красавица Лилия, помешивая в кастрюльке манную кашу.

Потом они вернулись в Ильинку, и она слышала, как Лилия уговаривала «папу» Юру забрать какого-то ребенка и удочерить. «Папа» обозвал Лилию дурой и проводил на станцию.

Вскоре приехала мама. Она и вправду оказалась очень красивой и нарядной, но к ней как-то страшно было даже подойти. Они с мамой перебрались в другой дом, совсем простой, деревенский, в конце улицы, и стали там жить «на квартире».

Маме надо было выходить на работу, и она привела ее к Александре Федоровне, которая жила напротив бабушки Тани. Муж Александры Федоровны, важный генерал Тимошенко, ездил на работу на серой «Победе» и часто подвозил свою дочку Таню в университет. Их двухэтажный красивый дом с большим садом, утопающим в цветах, тоже выходил на Октябрьскую улицу, как и бабушкин. Александре Федоровне заниматься хозяйством помогали девушка-горничная в белом крахмальном передничке и садовник, так что шестилетний ребенок, сказала она, на несколько часов в день ей будет не в тягость.

Похожая на строгую воспитательницу Александра Федоровна пообещала сделать из нее приличного ребенка: заставляла мыть руки перед едой, пользоваться носовым платком и культурно вести себя за столом. Обедали в столовой: круглый стол с белоснежной крахмальной скатертью, массивные ножи-вилки-ложки, кольца с шуршащими салфетками, красивые сервизные тарелки с картинками – для первого одни, для второго другие, а вместо закопченного огромного чугунка, как в Челябинске, супница с витыми золочеными ручками. Полагалось и третье – сладкий компот или клюквенный кисель в хрупкой небесно-голубой чашке с блюдцем, к которым было страшно прикоснуться.

После обеда ее учили читать, писать и рисовать цветными карандашами. В доме было много больших книг на немецком языке с картинками, переложенными прозрачными листочками, но их можно было смотреть только из рук Александры Федоровны. Ей очень хотелось прикоснуться к клавишам стоявшего в углу черного блестящего пианино, но это строго запрещалось: оно безраздельно принадлежало симпатичной надменной Тане, которая приезжала из Москвы, из своего университета, на выходной, а иногда и в будни. Таня по вечерам играла на пианино и была страшной задавакой, делая вид, что вовсе не замечает появления в их доме «чужого ребенка». «Что поделаешь, – вздыхала Таня, ни к кому не обращаясь, – наша мамочка с ее дворянским воспитанием готова опекать всех несчастеньких...» Нельзя было лазить по заборам и яблоням, есть невымытые ягоды, трогать цветы и наступать на клумбы – только гулять по саду или тихонько играть во что-нибудь. И ни одной грядки! Как же они тут живут? Непонятно.

Первого сентября она в форме – коричневом платье с белым фартуком и с белыми бантиками в косичках – отправилась в школу с дедом Борей: он нес ее портфель, а она, держась за его толстый мизинец, несла перед собой букетик астр из Тимошенковского сада. Двухэтажная деревянная школа, потемневшая от времени и невзгод, находилась на соседней улице, по пути на станцию. Там учились с первого по четвертый класс – девочки и мальчики вместе. Пожилой учитель Андрей Иванович посадил ее на первую парту в крайнем ряду у окна. В школе ей понравилось, только в туалет приходилось бегать на улицу.

Училась она легко, Андрей Иванович ставил ей пятерки и редко спрашивал, несмотря на вечно поднятую руку. Однажды ей понадобилось срочно выйти из класса, но учитель будто не замечал этого. Когда случилась катастрофа, Андрей Иванович озадаченно заглянул под парту и огорченно вздохнул. «Скажу, что разлила чай, если заругает». Хотя чай-то она в школу и не носила, как другие дети, которым давали с собой бутерброды и бутылочку с чаем или молоком. Ей никто такой «завтрак» не готовил. В обиду она себя не давала никому, да и драться-то в школе особенно не с кем было, а на улицу ее одну не пускали.

Пообедав у Александры Федоровны и сделав под ее надзором уроки, она гуляла в саду, а ближе к вечеру возвращалась домой «на квартиру» и ждала маму с работы. Семья, у которой они снимали комнату с террасой, была большая и крикливая, но хозяйка ее жалела и звала с ними ужинать, когда мама задерживалась. Как и в Челябинске – большая сковорода с жареной картошкой посреди стола, и все со своими ложками: кто успел, тот и съел.

Мама приносила с собой волнующие, незабываемые запахи «Красной Москвы». Она крутилась возле нее, пока та что-то готовила на электрической плитке, и старалась потихоньку дотронуться до ее платья или шелковых чулок, или нечаянно прикоснуться к рукам с ярким маникюром. Перед сном ей разрешалось забираться к маме в постель. И пока та читала ей «Федорино горе», она прижималась к ней и замирала от невыносимого счастья. Услышав: «Все, киска, пора спать!» – она с трудом отрывала руки от мамы и плелась на свою раскладушку.

Как-то зимой мама простудилась в своих легких резиновых ботиках на каблуках, которые надевались на модельные туфли, в коричневом «всесезонном» модном пальто и крошечной шапочке-«менингитке». У нее поднялась температура, и пришлось вызывать врача. Она прибежала из школы, минуя дом Александры Федоровны, кипятила молоко и варила сосиски,

больше ничего не умела. Когда мама стала поправляться, она попросила дочку вымыть пол и объясняла ей, лежа в постели, как это надо делать. С той поры это стало ее, первоклассницы, обязанностью, как и мелкие постирушки в маленьком тазу.

В середине учебного года Вера и сама тяжело заболела корью. Долго держалась температура. Она металась и бредила. Окна мама завесила темными покрывалами, чтобы свет не резал ребенку глаза. Бюллетень дали только на три дня, а потом маме пришлось пойти на работу. Она целыми днями лежала одна в темной комнате и ничего не ела. Было страшно, а от еды просто мутило. Мама оставляла ей шоколадки, но их забирала хозяйкина дочка, которая соглашалась посидеть с ней, но быстро убегала, заполучив очередную порцию. Наконец пришел старенький доктор, послушал ее трубочкой и сказал, что скоро можно вставать, все обошлось. Ноги были ватные и качались во все стороны, но надо идти в школу: она и так пропустила почти половину четверти.

Незаметно прошла зима. По воскресеньям они ходили с мамой на пруд или в парк кататься на карусели. Как-то к ним присоединился мамин знакомый дядя Леша, большой сильный человек с добрым веселым лицом. Они с ним быстро подружились: он сажал ее себе на плечи, и они все вместе играли в салки. Дядя Леша приходил теперь каждое воскресенье. Она, не избалованная отцовским вниманием (деду Васе некогда было с ней играть), висела на нем, не желая делить его даже со своей любимой мамой.

Первого мая 1954 года они с мамой и дядей Лешей пошли на демонстрацию, на Красную площадь. Он тащил ее, уже довольно тяжелую, на плечах, чтобы она смогла увидеть трибуну мавзолея. Повсюду развевались красные полотнища, качались в воздухе транспаранты и портреты вождей, люди с бумажными цветами в руках кричали «Ура!», пели песни, гремела музыка, и было вокруг волнующе торжественно. На трибуне стояли мужчины в черных шляпах и военные, блестя наградами на солнце. «Смотрите! Вон Жуков! А вот Микоян и Буденный с Ворошиловым!», – выкрикивали рядом, но на нее трибуна не произвела никакого впечатления.

После демонстрации они гуляли в Александровском саду, потом пошли в Кремль смотреть Царь-пушку и Царь-колокол, а затем дядя Леша предложил сходить в мавзолей, где она еще никогда не была. У входа в красно-черный мраморный мавзолей с надписью «ЛЕНИН. СТАЛИН» стояли навтыжку постовые с ружьями и даже не моргали. Они спустились вниз по лестнице и оказались в небольшом полутемном зале, где на постаментах стояли рядом два открытых стеклянных гроба – Ленина и Сталина. Ленин, конечно, не такой, как на картинках, но все же похож. А вот Сталин поразил ее в самое сердце: вместо статного черноволосого, черноусого, с орлиным взглядом вождя, каким он только что плыл на портретах по Красной площади, здесь лежал неказистый седовато-рыжий старик с изрытым оспой лицом и прокуренными усами во френче болотного цвета. (Через тридцать лет в музее небольшого городка на границе с Китаем, неподалеку от озера Иссык-Куль, она заметит поразительное сходство изображенного на старой картине знаменитого путешественника, красавца Н. М. Пржевальского, с известными портретами «отца народов». По легенде, он бывал в Гори в доме семьи Джугашвили.)

В один из дней, спустя неделю после демонстрации, мама долго не возвращалась с работы. Вера уже и поужинала с хозяйкиной семьей, и книжку почитала, а мамы все нет и нет. Вдруг выключился свет. Стало совсем темно и страшно. За окном зловеще поскрипывали сосны. Она почему-то не переделась, так и сидела в школьной форме на своей раскладушке, еле сдерживаясь, чтобы не заплакать. И как-то нечаянно уснула. Разбудил ее неясный шорох и чей-то шепот. Приоткрыв глаза, она с увидела огромные тени, которые, извиваясь, плавали по комнате. «Это, наверное, цыгане пришли меня украсть», – мелькнула у нее страшная мысль. Бабушка часто пугала ее цыганами: грязные, горластые, с голыми младенцами на руках, они бродили толпами по улицам и норовили что-нибудь стащить со двора. Говорили, что они воруют детей и заставляют их просить милостыню.

Тени хихикали, взвизгивали и что-то передвигали. «Вот они уже подбираются ближе... Надо скорее вскочить и юркнуть на хозяйскую половину, – лихорадочно соображала она. – Или закричать?» Но дверь, которую она оставляла с вечера открытой, была заперта. Дикий страх от этой безысходности лишил ее последних силенок, и она впала в забытие. Открыв утром глаза, она обнаружила в маминой постели дядю Лешу. Вкусно пахло кофе. Мама жарила яичницу на веранде и что-то весело мурлыкала. Не особенно раздумывая над тем, почему вдруг он здесь оказался, Вера принялась его тормошить и стаскивать с него одеяло. Дядя Леша попросил пощады и позвал на помощь маму. «Не приставай, дай человеку спокойно одеться», – засмеялась та, выталкивая ее на веранду.

Двадцатого мая занятия в школе заканчивались. Ей дали «Похвальный лист» за отличную учебу и примерное поведение, а также табель с пятерками, где было написано, что она переведена во второй класс. Начинались летние каникулы. В субботу мама, придя с работы, велела ей скоренько собираться: завтра она едет на все лето в Челябинск, а то ее некуда девать на целых три с лишним месяца. Все вокруг как-то сразу померкло и потерялось. Ничего не радовало: ни подаренная мамой кукла, ни новое нарядное платье, ни дяди Лешино обещание сводить ее в цирк. Совсем ничего. И дядя Леша почему-то не шел...

В воскресенье они с мамой, взяв маленький чемодан, с которым она приехала в Москву год назад, отправились на Казанский вокзал. В огромном разукрашенном зале ожидания было неуютно, и они вышли на платформу. Поезда еще не было. Томясь в ожидании состава, они уселись на чемоданчик, прижавшись друг к другу. Вера словно окаменела и как будто даже состарилась, равнодушно наблюдая за своими совершенно взрослыми горестными мыслями: «Все. Детство кончилось, а с ним – и все хорошее в ее жизни. И уже никогда не будут они сидеть вот так рядышком с мамой, прижавшись друг к другу, никогда она уже не назовет ее ласково киской и не возьмет в свою сияющую жизнь».

И вдруг мама нарушила пронзительное молчание, немного смущенно отведя глаза: «Если тебя будут спрашивать, там, в Челябинске, кто такой дядя Леша, скажи, что это теперь твой папа». Чей папа? Зачем? В одно мгновение хороший, веселый друг дядя Леша стал ей недругом. Почему он забрал у нее маму, о которой она так долго мечтала? И вот теперь она маме больше не нужна... Ее отправляют в Челябинск, как живую посылку, чтобы она не мешалась им под ногами...

К платформе с шипением и свистом подползал паровоз. Нужный им плацкартный вагон был где-то в середине состава. Мама засуетилась, схватила чемодан и потащила ее за руку к вагону. Пожилая проводница в черной форме взяла у мамы билет и не сразу поняла, что повезет только одну малолетнюю пассажирку. Они прошли в вагон, нашли место и убрали под лавку чемодан. У окна за столиком сидели две женщины и старик. «Присмотрите, пожалуйста, за девочкой в дороге. В Челябинске ее встретят», – попросила мама. «А билет-то у нее есть?» – усмехнулась одна из пассажирок, подозрительно взглянув на маму. «Есть, есть, я и проводницу предупредила».

В проходе забегал народ, услышав, что поезд скоро отправляется. Мама, торопливо чмокнув ее в щеку, направилась к выходу, велев ей подойти к окну, чтобы помахать друг другу на прощанье. Вдруг вагон дернулся, закрипел, и платформа плавно поплыла вместе с мамой куда-то в сторону. Она, застыв, как во сне, смотрела мимо мамы, не в силах даже шевельнуть рукой. Та ей что-то кричала и сморкалась, но ее это уже не трогало. Лишь две слезинки разом скатились на нарядное платье и тут же истаяли.

Предчувствие ее не обмануло: горестные мысли оказались вещими. Кончилось лето, и осенью она пошла во второй класс челябинской семилетки.

Москва, март 2015 г.

Миг счастья

Солнце смеялось в прозрачной луже, разлившейся на весь тротуар, из дворовых глубин доносился нежный запах сирени, напоминая о буйстве былых садов, некогда опоясывающих древнюю столицу, а в скверике рядом с бывшим мамонтовским особняком даже зачирикали пташки. Весна!!

В старом двухэтажном здании грязного песочного цвета трудно было заподозрить знаменитый в конце XIX века дом легендарной личности, богатея-мецената, бескорыстно служившего русскому искусству, – приют художников и музыкантов, писателей и актеров. Но однажды его арестовали по ложному обвинению, и опечатанный особняк пришел в запустение вместе со своей уникальной коллекцией произведений искусства, которая впоследствии рассеялась по музеям, но в основном по чужим рукам. Неузнаваемо перестроенный и опрошенный, он стал в 1930 году пристанищем высшего учебного заведения, и на его фасаде появилась выпуклая, будто конгревное тиснение, надпись: «Полиграфический институт». От былой красоты остался лишь необычный флигель с затейливым орнаментом – единственное архитектурное детище члена Московского художественного кружка, обитавшего в этом доме, Михаила Врубеля.

Конец мая 1968 года. Скрипучая «парадная» дверь этого самого института, прощально взвизгнув, выпустила на волю стайку отмучившихся страдальцев. Темноволосая девушка с рыжим портфельчиком с изумлением оглянулась на дверь – неужели она не увидит ее целых три месяца, до самого сентября? Не будет после работы сидеть здесь допоздна на лекциях, писать-сдавать нескончаемые контрольные, а по выходным пропадать в Историчке, вместо того чтобы предаваться радостям жизни?

В ее кудрявой головенке привычно запрыгали «стихоплетки»:

Натужный гул Садового Кольца
Мне не испортит настроенья,
Я сессию добила до конца —
И в этом нет уже сомненья!

Все, четвертый курс позади. Осталось «еще немного, еще чуть-чуть», но с каждым разом все труднее заставлять себя подходить к этой двери, когда тянет домой, к молодому мужу, когда на лестнице, ведущей на второй этаж, к «ее» аудитории, обосновавшейся в бывшем большом кабинете Саввы Ивановича, приходится чуть ли не руками переставлять упирающиеся ноги, вынуждая их двигаться вперед.

Девушка шла к станции метро «Лермонтовская», в народе именуемой, как и прежде, «Красными Воротами», и размышляла о том, как хорошо, что с этой стороны дороги тоже можно попасть на нее: через широченное Садовое, где всего два светофора на целый километр – один у Склифа, а второй как раз у метро, не очень-то перебежишь. Правда, ей не раз доводилось наблюдать попытки нетерпеливых, и многие из них заканчивались плачевно. Недавно на фонарном столбе у самого несчастливого перекрестка появился небольшой плакатик с воззванием: «На этом месте погибли двенадцать человек. Не спеши стать тринадцатым».

Она торопилась на свидание к мужу, с которым договорилась встретиться у метро «Аэропорт», чтобы наконец-то съездить туда, где строится их будущий дом. Раньше не получалось – в мыслях были одни экзамены и зачеты. Народу в вагоне метро оказалось немного, и можно было спокойно кокетничать с собой в темных окнах. Хорошо бы причесаться и подкрасить ресницы (на экзамены она ходила скорбной монахиней, чтобы не раздражать преподавательниц, коих было большинство), но здесь это делать неприлично.

Муж подждал ее на улице у самой дороги, где выстроилась длинная вереница людей, на которых она не обратила особого внимания: «Ну стоят и стоят, мало ли зачем».

– Пойдем? Куда нам – в метро или на троллейбус? – улыбнулась она мужу, предвкушая приятное путешествие.

– На автобус, вот, уже очередь занял...

– А почему не на метро? Ты же говорил, что это где-то за «Соколом». Проедем одну остановку на метро, а там пешком прогуляемся, – предложила она.

– Нет. Нам на автобус. Вон там останавливается, – кивнул он куда-то вдаль, почти напротив МАДИ.

Простояв минут сорок, они с трудом влезли в третий автобус. Стиснутая со всех сторон, она повисла на руке мужа, не доставая ногами до пола. Раздраженные, потные, взъерошенные люди пыхтели и царапались авоськами, набитыми продуктами. Автобус, игнорируя остановки, давно миновал «Сокол» и МАИ, где работал муж, вот и мост через окружную железную дорогу проехал... Кажется, здесь еще недавно заканчивалась Москва... Куда мы едем?! Вдоль шоссе – высоченные сосны, а между ними мелькают редкие двухэтажные деревянные домишки. Впереди показался туннель, а над ним... дымящая труба парходика. Это же канал! Она была здесь когда-то давно – в пятом классе в поход ходили!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.